

КРУГЛЫЙ СТОЛ

УДК 304

ИДЕАЛЫ КАК ФАКТОР ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Обсуждался круг проблем, касающихся представлений об общественном идеале, роли этих представлений в жизни и развитии общества как в историческом, так и в современном контексте. Библейские заповеди и формирование социальных идеалов; мифология, идеология, вера как источник ценностей и общественных идеалов; национальное единство и общественные идеалы; человеческая жизнь и ее оценки – вот неполный перечень затронутых вопросов.

В обсуждении участвовали: И.А. Вальдман, О.А. Донских, Ю.П. Ивонин, С.П. Исаков, Н.И. Макарова, П.Д. Муратов, Е.Н. Наумова, М.Ю. Немцев, Т.А. Сидорова, В.М. Фигуровская, Н.Л. Чубыкина, Л.А. Штуден.

А также Г.А. Антипов, д-р филос. наук, проф.; В.В. Корнев, канд. филос. наук, доц.; В.И. Кузин, В.В. Чешев, В. Зассин.

Ключевые слова: идеалы, ценности, мифы, идеология, народ, философская традиция, современное общество.

8 июня 2012 года в Областной научной библиотеке (Новосибирск) прошел круглый стол журнала «Идеи и идеалы» на тему «Идеалы как фактор общественной жизни».

Обсуждали вопросы:

- 1) идеалы как фактор общественной жизни;
- 2) идеалы современного общества;
- 3) способы представления идеалов в мифологии и идеологии;
- 4) вера (в Бога, в научный прогресс, в демократию, в капитализм и т. п.) и общественные идеалы.

Участвовали члены редакционной коллегии: **Олег Альбертович Донских**, д-р философских наук, профессор; **Юрий Перфильевич Ивонин**, д-р философских наук, профессор; **Сергей Петрович Исаков**; **Нина Ильинична Макарова**, канд. культурологии, доцент; **Павел Дмитриевич Муратов**, канд. искусствоведения, доцент; **Валентина Михайловна Фигуровская**, д-р философских наук, профессор; **Лев Леонидович Штуден**, д-р культурологии, профессор; **Наталья Леонидовна Чубыкина**, а также приглашенные гости: **Игорь Александрович Вальдман**, канд. философских наук, доцент; **Елена Николаевна Наумова**, профессор университета им. Тафта (Бостон, США); **Михаил**

Юрьевич Немцев, канд. философских наук; **Татьяна Александровна Сидорова**, канд. философских наук, доцент.

Ответы на вопросы круглого стола прислали: **Георгий Александрович Антипов**, д-р философских наук, профессор; **Вячеслав Вячеславович Корнев**, канд. философских наук, доцент (Барнаул); **Василий Иванович Кузин**, канд. философских наук; **Чешев Вячеслав Васильевич**, д-р философских наук, профессор (Гомск), **Вольфганг Зассин**, д-р технических наук, профессор (Мюнхен, Германия).

Олег Альбертович Донских. Три года у нас прошло в обсуждении разных тем, и вот мы вернулись к названию нашего журнала – «Идеи и идеалы». И это не вполне случайно получилось, хотя бы потому что мне несколько раз присылали статьи, где в названиях упоминались идеалы. Правда, некоторые из этих статей были не самые сильные, но были и неплохие. И учитывая то, что сейчас в нашем обществе происходит, – хотя у нас журнал, конечно, научный, – мы не можем не реагировать на то, что есть в «общественной атмосфере», поэтому и решили провести круглый стол на тему «Идеалы как фактор общественной жизни».

Вопросы всем участникам круглого стола были разосланы. Один из вопросов: каким образом выражаются идеалы? Допустим, это может быть мифология, это может быть идеология. Есть очень интересный вопрос: это все-таки идеалы или ценности, потому что идеалы выражают определенные общественные ценности. Даже совсем поверхностный анализ показывает, что в нашем обществе сейчас есть одна ценность, насколько я понимаю, и все остальное оказывается бедным по сравнению с этой ценностью. Это, конечно, деньги, поскольку ориентация сформировалась чисто экономическая. Я это проверял совсем простым способом. Когда у студентов спрашиваешь, что вот, допустим, убили человека за 100 рублей, это как? Возмущаются, как

это можно... А за миллион? Задумываются: вроде бы и ничего. А за миллиард? Ну, тут даже вопроса нет! Я немножко утрирую, но в принципе смысл вопроса совершенно понятен: здесь мы соотносим ценность жизни и ценность денег. И вопрос для меня стоит таким образом: общество распалось сейчас в смысле идеалов. У нас нет такого идеала, который бы объединял наше общество. У нас есть разные общественные группы, плохо связанные между собой – разве что только тем, что они живут на одной территории, как-то связаны одним пространством и временем, но их идеалы абсолютно различны (кроме денег, которые нужны всем). И даже движения к какому-то единству я, в принципе, не вижу. И вопрос можно поставить совсем резко: как долго такое общество может существовать? Понятно, что если нет общих идеалов, а есть только одна ценность, лежащая вне этих идеалов, то такое общество не может считаться народом. Если это народ, то у него есть общая история, есть предки, которые что-то пережили вместе, когда формировались какие-то ценности. Русская культура выростала, формировалась, во всяком случае как православная культура. А если это все утрачено (когда шло обсуждение на телевидении самых значимых русских людей, то великие православные святые даже не рассматривались), если есть отдельные группы со своими ценностными установками, со своими идеалами, – тогда это не народ.

Я не знаю, насколько я прав в своей оценке, но мне представляется, что ситуация, к сожалению, именно такая, и если это так, то если не появится чего-то объединяющего, то такая страна просто обречена. Она просто исчезнет. Население не обязательно физически исчезнет, оно просто растворится, трансформируется, здесь будет просто несколько разных государств, а историки будут изучать прошлое.

Вот, в частности, те соображения, которые заставляют обсуждать проблему идеалов, и они мне представляются крайне важными. Я сейчас не беру даже проблему образования, которое сейчас не формирует единого поля понимания, потому что образование на сегодняшний день просто утратило эту функцию. С моей точки зрения, оно обязано это делать, но... это уведет нас слишком далеко. Если кто-то готов высказаться – пожалуйста.

Валентина Михайловна Фигуровская. В конце 80-х годов вышла книжка В.Е. Давидовича «Теория идеала». В ней он предложил достаточно обоснованную градацию тех жизненных установок, которые позволяют человеку ориентироваться в мире. При этом речь шла о том, что нормы – зафиксированные и соответствующим образом оформленные представления о правилах человеческого общежития. Эти нормы могут быть законотворческими, могут быть связаны с культурными традициями, но они зафиксированы в общественном сознании и, соответственно, должны быть в поведении реализованы. Дальше речь идет о ценностях, то есть о предпочтениях, когда у человека есть выбор. И тогда ценность – это наиболее предпочтительная вещь, предмет, идея, в сравнении с другими выигрывающая по каким-то жизненно важным критериям. Что касается идеалов, на-

сколько мне помнится, речь шла о том, что это особый тип ценностей, которые имеют безоговорочное значение. И в этом смысле их не ранжируют, а они существуют в духовном мировоззрении, в широком, понятном, смысле. И они-то как раз связаны с философией, с миропониманием, с миробъяснением. Мне тогда казалось, что это очень доходчивое разъяснение того, с чем человек связывается, осуществляя свой выбор, осуществляя свои свободные предпочтения. Видимо, применительно к советскому обществу, когда идеология была тесно связана с идеалами, именно в идеологии эти идеалы и были прописаны: свободный союз свободных людей; от каждого по способностям, каждому сначала по труду, потом – по потребностям. В такой вот идеологии о совпадении блага и справедливости идеалы, в которых совпадает представление об общественном благе и о социальной справедливости, наверное, хорошо теоретически вписывались. Как это было практически, мы тоже хорошо знаем из анекдотов. Прихожу в поликлинику к врачу, не знаю к какому, наверное «ухо-горло-глаз»: почему слышу одно, говорю другое, вижу третье? Нужен такой доктор, который бы в этих вещах разобрался. Так вот, с разрушением единой идеологии и появившимися в то же время представлениями, что общество может прожить вообще без идеологии, возникает такая ситуация, что сами идеалы, общественные и, наверное, личные, деградируют. Возникает переоценка ценностей, представленная М. Шелером как теория ре-сентимента. В этом случае мы как раз и наблюдаем ситуацию, которая сложилась в нашем обществе. С одной стороны, человеку стыдно за то, что он ведет себя не так, как в соответствии с идеалами себя нужно было бы вести, и это требует для него само-

оправдания. А значит, надо повысить ранги довольно низких мотивов и устремлений, придав им статус ценностей. Это одна сторона проблемы. А другая мне видится в том, что мы, наверное, как-то по-другому должны попробовать определить, что есть идеал. Потому что без того, чтобы вложить определенное содержание в само понятие, в саму эту категорию, нам трудно понять суть обсуждаемой проблемы. Мне думается, что когда мы говорим об идеале, имеется в виду некое совершенство чего-либо. Это может быть предмет, форма, процесс. Речь идет именно о совершенстве этого предмета, причем о таком его статусе, которое соответствует безусловным ценностям. Если мы возвращаемся к этим безусловным ценностям: добро, справедливость, свобода, счастье, то тогда в этих заданных координатах можно говорить, возможно ли изменение ситуации у нас сегодня. И если возможно, что же необходимо делать? Или мы действительно катимся куда-то, и падение остановить невозможно, как невозможно уже сберечь страну и народ? Это чрезвычайно важные вопросы, и мне представляется, что пора уже отказаться от бесконечной ругани идеологии. Надо понять, что есть политическая идеология, идеология именно политического господствующего класса, а есть идеология как общая система идей, освещающих саму человеческую жизнь. Без идей, представленных в определенной системе, общество становится неким стадом, которое идет за пастухом или которое пастух подгоняет кнутом. Поэтому надо задуматься над тем, что же может быть представлено в качестве новой идеологии.

Сергей Петрович Исаков. Для целей нашего разговора вполне инструментально говорить об идеале как о каком-то совершенстве. Но мне кажется, что и Олег Аль-

бертович, и Валентина Михайловна не явно подразумевают, что общество, народ должны быть едины в своем ощущении, понимании единства, идеалов, идеологии, а когда такого единства нет – это признак кризиса и даже гибели народа. Особенно – на фоне того несомненного единства, которое существовало ранее и не существует сейчас. Мне представляется, что общество никогда не было единым, а в обратной исторической перспективе такое единство выглядит еще более иллюзорным. *Всегда* были разные группы со своей идеологией, системой ценностей и идеалов. Просто в течение всего исторического бытия России почти всегда существовала та или иная господствующая идеология, которая не давала вздохнуть никакой другой. В кризисные для страны периоды конкурирующие идеологии прорывались, иногда даже очень явно; тем не менее в основные периоды истории идеалы и ценности были хоть и разные, но всегда одни на всех.

Когда рухнула господствующая коммунистическая идеология, в очередной раз проявился этот самый плюрализм. Вы, Валентина Михайловна, сказали о господствующих ценностях Добра, Справедливости, Свободы и т. д. Наверное, их можно рассматривать как абстрактные идеалы для всех. Но в каждой такой группе есть свое понимание этих идеалов, и они не просто разные, но часто и прямо противоположные. Если говорить об идеалах народного единства, то всегда были и есть идеалы имперские, когда ради империи, ради славы страны можно пожертвовать всем. Есть идеалы чисто индивидуалистические, когда свободы и права индивида – самое главное на Земле, а отечество человека там, где ему хорошо. Есть идеалы националистические, типа «Россия – для русских», идеалы обще-

человеческие, европейские и т. д. Есть идеалы, не побоюсь этого слова, воров в законе, для которых народ – это просто место для «работы». На сегодняшний день в нашем обществе нет господствующей идеологии. С одной стороны, для общества это чревато либо распадом, либо слабостью, «расщеплением» усилий. И понижением общей эмоциональной энергии в обществе, поскольку большие группы людей видят, что их идеалы не реализуются и не могут быть реализованы. Соответственно, у них гаснет энтузиазм, наступает общественная апатия. Но, с другой стороны, это и великий шанс для энергичных и политически активных групп утвердить в общественном сознании свое понимание ценностей и идеалов. Это борьба, это пропаганда, это соревнование за влияние на молодежь – следовательно, это залог нового подъема и развития общества. Но только в борьбе этих идеологий может сформироваться какой-то новый консенсус для нашей страны. А кто и как победит – зависит в том числе и от каждого из нас, и это достаточно редкий для нашей страны случай.

Фигуровская. Если как-то я могу ответить, Сергей Петрович, мне кажется, что мы по-разному употребляем сам термин «идеология». Я исходила из определения этого термина в гегелевской философии, там, где речь идет о раскрытии, разворачивании абсолютной идеи как некоего общего мирового закона. И тогда идеология – это и есть система связанных между собой всех видов бытия, идеология как способ разумного разворачивания этих разных форм бытия. Я говорю именно об этой идеологии, а не о той политической идеологии, с которой мы столкнулись отнюдь не самым приятным для себя образом. То, что у людей разные идеи существуют – да, ко-

нечно. То, что у людей разные представления, что такое хорошо, что такое плохо – да, конечно. Но представления, что есть хорошо, скажем, в той же воровской шайке, или представления о том, что есть хорошо в преподавательской среде, которая до сих пор продолжает болеть за то, что гибнет наше образование, это все-таки разные идеологии, и здесь говорить об их борьбе мне кажется очень даже неправильно. Это значит на одну доску поставить самый низкий или один из самых низких способов бытия определенной группы людей и достаточно возвышенные мечты о том, чтобы было образованное общество, чтобы молодые люди были тоже ориентированы на высшие идеалы. И кто-то должен тогда разъяснять: что есть добро, а что есть благо. Я вот это имела в виду.

Исаков. Мы все, хотим этого или не хотим, стоим на одной доске. Ее нельзя поставить или убрать – мы на ней стоим: мы находимся в обществе.

Донских. Я одну фразу скажу в связи с этим. Дело в том, что я тоже немножко о другом говорил. Я не говорил о политической идеологии в принципе. Но когда смотришь, что объединяло народ *в народ*? Объединяли события, допустим, ранга войны 1812 года. И есть у Державина, я уж процитирую:

«И сельски ратники как царства ставши
щитом / Бегут с стремленьем в строй во
рыцарском убранстве, / «За веру, за царя
мы, – говорят, – помрем, / Чем у француз-
зов быть в подданстве».

Пожалуйста, он крестьян описывает! То есть есть помещики, есть крестьяне, но есть событие, которое делает народ – народом. Это не исключает проблем, связанных с крепостным правом, и т. д. А у нас что сейчас происходит? История вообще

исчезает. Когда говоришь с ребятами, они про войну просто ничего не знают. Они не знают, когда была Октябрьская революция, тем более не знают, когда была Первая мировая война. Они не знают событий, не знают имен. Кроме Сталина никто ничего не помнит. Вот же о чем речь идет. Нет культурного пространства, в котором можно было бы общаться этому народу о самом себе.

Нина Ильинична Макарова. В каждой культуре есть идеалы, и эти идеалы разные. Они формируют общество, и общество, в свою очередь, формирует идеалы. Хорошо, когда идеалы элиты, то есть людей, обладающих влиянием, являются тем, что сплавливает и направляет общество на совершенствование. А если нет? Если это культ денег, насилия, эгоизма, грубого животного удовольствия? Как пробиться сквозь эту стену, чтобы стали слышны другие голоса, призывающие к добру, состраданию и справедливости? Можно ли влиять на формирование идеалов?

В этом отношении интересные примеры дает история. Например, в Западной Европе позднего средневековья произошли изменения в идеале святости под влиянием развившегося в XII веке мистицизма любви, делавшего акцент на том, что отношения между Богом и человеком являются, в первую очередь, отношениями влюбленных. Под влиянием этого учения в житиях святых произошли изменения. В них появились новые эпизоды, раскрывавшие образ святого или святой как возлюбленных Христа. На первое место среди святых стали также выходить святые жены, жития которых легче «откликались» на условности мистицизма любви. Изменения в житиях были сделаны переводчиками в конце XII – начале XIII века, переводившими жи-

тия с латыни на местные европейские языки. Эти изменения способствовали превращению женщин-святых из стойких воительниц за веру в нежных и страстных Невест Христовых. Если латинские тексты изображали святых, «превозносивших всемогущего Творца, боровшихся за Него и общающихся с Богом на основе разума», то в переводах святые предстают как «грезящие о прекрасном Христе, обожающие Его и стремящиеся соединиться с Ним в экстазе любви».

Другой пример дает эпоха Возрождения, когда гуманисты охотно обратились к любимым образам античности для популяризации своих идей о важности образования и гуманитарного знания. Особенно часто они использовали мифы о Геракле. Один из любопытнейших примеров предоставляет произведение испанского писателя и ученого маркиза Энрике де Виллена (1384–1434), написавшего в 1417 году свой вариант двенадцати подвигов Геракла – *Los doce Trabajos de Hercules*. Используя описание этих подвигов в «Утешении философией» Боэция (480–524), он представил изложение каждого мифа в соответствии с характерными для христианской традиции толкованиями текста в соответствии с четырьмя уровнями рассмотрения: фактическое изложение, аллегорический смысл, моральное истолкование и исторический подход. Главной идеей автора было обращение к отдельным сословиям испанского общества с призывом к добродетели.

Излагая аллегорический смысл мифа о Саде Гесперид, Виллена поясняет, что под «Ливией нужно понимать нашу высушенную человеческую природу, которая тем не менее может приносить чудесные плоды. Атлас, правитель Ливии, является мудрецом, посадившим сад, под которым мы

должны понимать различные науки, приносящие прекрасные плоды мудрости. Самое высокое дерево посредине сада, приносящее наилучший плод, – это философия. Подход к этому дереву, однако, труден, поскольку его охраняет дракон – ловкий обман. Сам сад охраняют три девы, символизирующие интеллект, память и красноречие. Геркулес, человек, стремящийся к знанию, преодолевает все препятствия. Он демонстрирует свои прекрасные качества: способность к рассуждению, память и красноречие и добивается возможности войти в сад знаний. Не отвлекаясь на меньшие науки, он сразу устремляется к Философии – колыбели мудрости. Победив свою собственную неотесанность посредством неустанного труда, он срывает золотое яблоко Философии и дает возможность насладиться этим плодом философского знания другим людям, жаждущим знаний». Таким образом, великий греческий герой – образец силы и мужества – приобрел у испанского автора черты гуманиста, совершенствующего себя в науках и стремящегося обучать им других людей.

Эти примеры из истории показывают, что идеалы меняются, и фиксируют эти изменения люди в создаваемых ими текстах. Поэтому мне кажется, что необходимо поддерживать тех талантливых людей, «положительную элиту», которые позволят обрести плоть тем идеалам, которые нужны обществу для выживания и роста. Нужно создавать общественные фонды, средства из которых шли бы на поддержку тех работ писателей, драматургов, режиссеров, журналистов и других общественных деятелей, которые направлены на созидание, а не на разрушение общества.

Лев Леонидович Штуден. Идеал – это полная мера должного, на мой взгляд.

То есть то, что реализовано быть не может в принципе. Поэтому идеал – всегда в ментальной плоскости, но не в практической, некий вектор стремления в лучшем случае.

Меня в последнее время интересует вопрос о ценностях. Характерный пример: ценность человеческой жизни. Она безусловна для большинства из нас. Но на протяжении огромной бездны веков Истории человечества эта ценность не была безусловной. В первобытности человек из чужого племени – потенциальная добыча, потенциальная пища. В убийстве такого человека люди не видели никакого греха... Вплоть до того времени, когда прозвучал Декалог Моисея: заповедь *не убий*. Человек сам не мог до этого додуматься! Пришлось вмешаться заповедным силам... Выспая оскверненность тезиса «не убий» постепенно вытаскивает его в понятие **ценности**. Ценность прорастает в сознании древних людей, как трава сквозь асфальт. Ценность человеческой жизни! Она безусловна, она безусловна всегда. Здесь не нужны никакие «однако», «кроме», поправки какие-нибудь и т. д. Со временем эта идея поднимается до тезиса Швейцера: благоговение перед жизнью вообще, а не только перед человеческой.

Итак, ценность – императив, который, на мой взгляд, не может исходить только от человека. Императив, данный Свыше. Он-то и дает основание для жизни. Таких ценностей, главных по крайней мере, можно несколько выделить.

Если мы сейчас рассматриваем ситуацию в России, то положение, близкое к катастрофе, я думаю, как раз в том и состоит, что эти с колоссальным трудом добытые ценности, которые стали просто фактом нашего сознания, потому что утверждались веками, – они начинают рушиться.

Я много раз приводил в пример реакцию моих студентов на доклады, описывающие пытки инквизиции. Общее веселье: «Прикольно!» На протяжении многих лет у меня была возможность наблюдать эволюцию отношения вот к этой главной ценности, ценности жизни. Эта эволюция меня пугает. Не говоря уж о том, что мы каждый день видим на телевизионных экранах. Идея убийства как *игры* витает повсюду, вплоть до компьютерных видеоклипов. Есть даже компьютерная игра в шахматы, в которой когда одна фигура берет другую – на экране монитора возникает мультик: виртуозное, изощренное убийство. Прикольно!

Вот чем, в частности, развлекаются сегодняшние молодые люди. Я это не абсолютизирую, просто тенденция такова, и невольно напрашивается сравнение с финалом Римской империи. Здесь столько параллелей, столько абсолютно похожих вещей, когда Римская империя, погрязшая в гражданских войнах, с упоением взирающая на бойню сотен и тысяч гладиаторов на цирковых аренах, империя, где действительно ценность человеческой жизни упала почти до нуля, – приходит к закономерному финалу. Мне кажется, что люди, которые пишут об идеалах, должны вовремя вспомнить, что ценность – отнюдь не произвольная вещь. Ценность – это то, что было завоевано на протяжении многих веков, та же самая ценность человеческой жизни, которая не может быть релятивизована никоим образом. И она не может быть отменена. Ее следует только защитить. Что касается идеологии, то, на мой взгляд, если уж она возможна в России, она должна основываться на защите вот этих ценностей.

Игорь Александрович Вальдман. Уже прозвучавшие мнения наводят на некоторые размышления. Например, то, что

прозвучало в последнем выступлении об абсолютной ценности человеческой жизни. Во-первых, так ли это? А во-вторых, в каких исторических условиях это было сформулировано? Это точно было не всегда, это очевидно. Но когда? И у меня возникает ощущение, что подобная рефлексия, абсолютизирующая какую-то ценность до идеала, была в периоды, весьма подверженные борьбе тех самых духовных сословий или элит. Из этого вытекала – и это был элемент борьбы, кстати говоря, друг с другом – подобная абсолютизация, или гипостазирование этих выводов, которые в качестве идеалов брали абсолютный момент ценности в ее этой самой абсолютной полноте долженствования и использование в качестве оружия, идеологического (и вполне политического тоже), друг с другом. А ценность человеческого существования – до какой степени, когда это было? Я пытаюсь вспомнить какую-нибудь эпоху, когда эта ценность действительно бы *была*. И не просто была декларирована одним из мыслителей – участников этой борьбы. Античность? Во многом нет. А скорее, это все результаты того раннего Нового времени, на стыке Позднего Возрождения и Нового времени, когда ценность и традиционная стабильность общества в целом заколебались. Ценность-то как раз стала теряться, и вот подобная абсолютизация как способ утверждения того, чего нет, или того, чего хотелось бы, была как раз такой интеллектуальной попыткой участия.

По поводу ценности человеческой жизни вспоминаются два тезиса, которые как бы чуть-чуть антиномичны. С одной стороны, пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, и вот эта энергетика, по сути, отказа от того, что жизнь абсолютно цен-

на. И другой вопрос из 90-х годов уже прошлого века:

– Здравствуйте, Рабинович здесь живет?

– Да разве ж это жизнь?!

Не всякая жизнь достойна того, чтоб ее длить. А в чем содержание этой самой жизни, в чем качественная ее определенность, в чем достоинство ее продолжения? То есть для меня это как минимум вопрос. Мне кажется, рефлексия идеала ... всех пользующихся разным аппаратом, называя ценности и идеалы – все-таки это одно и то же или нет, не говоря уже про идеологию, а это явно еще ряд функций, которые у нас в разных выступлениях присутствуют..., наверное, подобная абсолютизация ценностей в идеал и его гипостазирование возможно прежде всего в условиях борьбы. Я всегда вспоминаю наиболее интересные содержания или ценности – тогда уже *содержания* как *смыслы*, – они уже были порождены обществами высокодифференцированными и находящимися в состоянии борьбы. Если Античность – это период борьбы автономными полисами и союзами полисов, если в рамках Китая – это воюющие царства. Вот два наиболее мощных блока... Кстати говоря, про индийскую традицию – там немножко другое, но там тоже активное порождение смыслов и ценностей, с которых потом можно было наформулировать идеалов под разные задачи – это тоже был период политической раздробленности, но при этом – тут вопрос – борьбы за *единое* пространство. А вот вопрос: у нас есть борьба за одно пространство? Или попытка раздробить жизнь? Вот если борьба за одно пространство, тогда борьба в политическом смысле приобретает значение и для нашего разговора, потому что, в конце концов, если уж посмотреть на переход этого само-

го мифа к логосу, а точнее – от мифологии к ранним религиям, то это как раз построение на базе любых мифологических сюжетов некой общеобязательной схемы, которая будет предъявляться в качестве основы исповедания лояльности по отношению к некоему центру. Неважно, на какой содержательной базе, на каких отдельных сюжетах это будет построено. Но в любом случае это будет некое *укрупнение* этой идейной сферы и контроль так или иначе канонизированной формы. В этом смысле идеал тогда формируется. Идеал как то, что должно, как предмет *стремления*. Вот если ценность – некая *шкала*, имеющая разные измерения, вплоть до инверсии; если норма – это простое *требование*, требование следования образцу, то идеал – это безусловное *стремление* к нему. Он – порождение интеллектуальной абсолютизации содержаний.

Михаил Юрьевич Немцев. Прозвучали два тезиса, которые у меня вызывают сильное недоверие, и мне кажется, что их следует обсуждать, когда заходит разговор об идеалах. Сейчас у нас в стране происходит очень интересный и уникальный, в общем-то, период, когда, наконец, можно обсуждать общественные идеалы (буду говорить о них) всерьез, а не только в дистиллированных академических условиях. Обсуждение идеалов общественного развития закончилось в 1993 году, после чего начался длительный период постсоветского транзита (в социологическом смысле), который сейчас, 20 лет спустя, заканчивается. Одно из определений постсоветского состояния, по-видимому, состоит в том, что некоторые *элиты*, о которых сейчас говорил Сергей Петрович Исаков, приватизировали существующие промышленные и прочие инфраструктуры, в широком смысле приватизировали, избавив себя при

этом от разных форм контроля за распоряжением этими инфраструктурами. В первую очередь от контроля идеологического. А теперь этот интересный для историка период заканчивается – и возвращается политика. До этого времени – может, у меня, как у человека другого поколения, восприятие другое, но еще год-полтора назад вся жизнь моего поколения состояла только из частной жизни. Из отношений отдельно взятых людей со своей собственной жизнью, со своими ценностями, со своим будущим. Сейчас появляются групповые проекты и появляются группы, внутри которых можно говорить об идеалах. Эти группы естественно начинают конфликтовать, и они начинают, по крайней мере стараются начать, навязывать новые правила игры старым группам, сложившимся еще в постсоветском безвременье. Вместо морально устаревших фиктивно-демонстративных партий начнут появляться новые партии, претендовать на их место. Это, конечно, один из многочисленных фронтов классовой борьбы, но, мне кажется, для философа он интересен как место порождения новых идеалов и ценностей, которые, в общем-то, всегда интерсубъективны. Я не думаю, что можно говорить об идеале, о «полной мере воплощения должного», которое случается в одном отдельно взятом мире отдельно взятого человека. Это то, что происходит в группах. Именно группа признает идеал как свой. Я думаю, идеалы все-таки политичны. Именно в политическом конфликте они могут вызревать и формироваться. В этом смысле говорить об идеалах нужно исходя из политической ситуации. Это то, что, собственно и показывает существование политики. Политика начинается там, где происходит конфликт идеального. Это первое.

А второе... Воля Ваша, Олег Альбертович, но Вы, говоря слово «народ», говорите о каком-то единстве. И когда Вы цитируете Державина, все-таки Вы цитируете человека, который был занят созданием литературного мифа о некоем единстве, едином порыве, о целостности, которая в этом порыве возникала и называлась «народ». Но история, особенно так называемая постструктуралистская история, история «молчаливых большинства», начиная со школы «Анналов» и продолжая Мишелем Фуко, учит, что, вообще говоря, всегда конфликт есть в обществе, и это «единство», призванное прежде всего для того, чтобы его скрыть, упрятать, «демобилизировать». Как правило, историю пишут победители. И те, кто этот конфликт проиграл, остались неузнанными и не услышанными. Мы, сидящие здесь, не знаем о тех, кто был рад приходу Наполеона – потому что они не написали свою историю. Вычеркивать их из народа, наверное, можно, но тогда народ превращается в тотальное нечто, которое прямо-таки «накрывает» множество сложных процессов, происходящих на данной населенной территории, и придает им какие-то единые очертания. Я выражаюсь метафорически. Что такое единый народ и можно ли говорить о едином народе в XXI веке? Большой вопрос. Ну понятно, что и «народ» – это важный идеологический термин, и очень часто в идеологической борьбе побеждает тот, кто лучше всех может говорить от лица народа и выражать «народные чаянья».

– Жириновский.

– Скажем, да, Жириновский. Но это мягкий случай, он безобидный конформист. А вот другой пример – Дмитрий Рогозин, если говорить о нынешних вождях.

Штуден. Тоже мне, вождь!

Немцев. Мы тут можем так – свысока, по-интеллигентски кривить губу при упоминании подобных имен, но вообще говоря, почему мы не можем обсуждать современную Россию по аналогии с Веймарской республикой? Тот, кто побеждает других потенциальных вождей и становится единственным «гласом народного единства», во все не обязан быть экстраординарным человеком. Я недавно перечитывал книжку Курцио Малапарте «Техника государственного переворота», это захватывающий анализ того, как разные, и левые и правые, революционеры в 20-х годах XX века захватывали власть, и пытался понять, на кого Малапарте указал бы сейчас как на фигуру, практически способную воспользоваться его наблюдениями. Один из тех, кто мне кажется теоретически наиболее подходящим, оказался Рогозин. Это я к чему: почему мы не обсуждаем фашизм как одну из реальных общественных перспектив и в то же время одну из форм, так сказать, радикального идеализма?

Донских. Тем более они у большевиков учились пропаганде.

Немцев. Это одно общественное движение эпохи высокого модерна, в котором слово «народ» – это такой мощный, заряженный термин, который используется для создания мощных заряженных технологий. И тогда окажется, что «народ» как категория мысли – это теоретическая подготовка мощных политических действий, и одна из политических традиций, которая пользуется словом «народ» для обозначения идеального общественного единства – это фашизм. И в этом смысле я не хочу сказать, что разговоры о народе «фашизированы» – нет, конечно. Я хочу сказать, что это слово требует очень внимательного, рефлексивного обращения. И самая главная пробле-

ма – это насколько народ един. Нужно ли мыслить народ как единство? Может быть, народ (как говорил про нацию Эрнест Ренан) – это то, что ежедневно занимается плебисцитом. И в этом смысле народ существует как конфликтующее само с собой множество, удерживаемое в некоторых рамках не только государственной инфраструктурой, но и еще какой-то солидарностью. А она, кстати, в каждом «народе» может иметь свои какие-то эндогенные формы. И эта солидарность может быть идеализирована, но с большой осторожностью, рефлексивно и критически, чтобы не окатиться на рельсах, влекущих в уже известные нам из исторического опыта варианты практической реализации идеализма. Я закончу свою мысль тем, что сейчас, именно летом 2012 года, – и я очень рад, для меня это очень важно, – появилась возможность и даже необходимость всерьез публично говорить об идеалах и в том числе о «народности» как об идеале именно потому, что начинается живая политическая борьба, которую философ должен наблюдать и осмыслять. За последние два дня стало видно, что эта возможность появилась.

– Какая возможность?

Немцев. Я скажу в трех словах: карты выложены на стол.

Штуден. Шулеры выложили карты.

Немцев. Да, да. Сказали: мы и правда шулеры, и мы еще и не такое можем, здарсьте!

Донских. Есть еще два вопроса. Первый вопрос относительно идеала политического. Как относиться тогда к идеалу периода Римской империи, который характеризуется уходом в частную жизнь, идеал – пастухи и пастушки, никакой политической жизни в принципе. Такое было, да? Переход граждан в подданные, подданные рас-

творились в частной жизни, – не дай Бог участвовать в политике! Это идеал или не идеал? Он подается стопроцентно как идеал. И в русской литературе это воспроизводится, и в литературе Возрождения...

Второй вопрос. Есть такая вещь, как русский язык. Этот народ – вы хотите, чтобы он на разных языках еще говорил, или русский язык – это объединяющий фактор?

И еще один вопрос, последний. Дело в том, что у нас происходит сейчас и что, я считаю, обязано делать образование и чего оно не делает – оно должно создавать некоторое общее поле понимания. Мы можем потом разные идеалы формировать, но у нас должно быть какое-то поле, где мы можем говорить больше, чем о погоде и о еде. Или мы обсуждаем, что можем есть бигмак или стейкмак; или что один ходит в КФС, а другой ходит в Макдональдс. И все! Кроме этого что-то еще есть? Вот я считаю, что образование должно давать знание языка, истории, культуры. *Всем* тем, кто живет в этой стране. Будет это все народом, говорящим на этом языке и понимающим, знающим, кто такой Чичиков и Обломов и т. д. Или это будет *население*, когда каждый будет формировать индивидуальную стратегию согласно нашему Министерству образования. Будет осуществлять индивидуальную образовательную траекторию и в конце концов придет к англоязычно где-нибудь в Австралии или Канаде.

Вальдман. В этом смысле роль образования – она не сугубо-то гуманистично-демократичная. Она в лучшем смысле насильственно-принуждающая. И это нормально, потому что когда все вот эти индивидуальные стратегии и размывание, там, профессиональных границ, не знаю, тождественных каких-то специальностей, ви-

дов специалиста – если этого избегать, тогда уходить и от безграничного выбора, кем быть: космонавтом-подводником со знанием английского языка и физкультуры, условно говоря. Тогда этот момент надо воспринимать нормально, спокойно и легитимизировать эту функцию. Но не в форме принуждения к профессиональности. Без клеикализации этой сферы.

Донских. Здесь есть такой момент безусловный. То, что выбором называется, свободным, якобы, выбором, на самом деле здесь есть принуждение гораздо более мощное. Это тоже, что, например, выяснилось с мультикультурализмом. Когда, с одной стороны, вроде бы хорошо: пусть расцветают все цветы, а потом оказывается, что что-то здесь неправильно, и многие начинают об этом говорить. Вынуждают же эти анклавов жить, как они это делают, и ничего общего не формируется в принципе. Это опять же насилие, но оно другого типа.

Но это ладно, я бы хотел получить комментарии к Вашему жесткому высказыванию.

Немцев. Я просто объясню. На мой взгляд, это серьезная опасность, о которой надо думать и надо назвать ее своим именем. То есть если Вы говорите про социокультурное принуждение через систему образования, так и надо пользоваться этим словом: *принуждение*. Простой пример. В Новосибирске в метропоездах расклеены плакатики с указанием, как правильно писать и произносить слова русского языка. При этом мы слышим и видим, что люди постоянно совершают одни и те же ошибки, особенно пунктуационные, и не по этим правилам ставят ударения. Можно сделать такой вывод: люди вообще безграмотны. А можно сделать такой вывод: подавляющая часть окружающих нас и как будто не вполне гра-

мотных людей вообще вполне социально адаптированы. Но грамматика русского языка такова, что овладение ею требует особых специальных усилий и долгих упражнений, и не все на это способны, она репрессивна. В этом смысле, когда вы заставляете людей пользоваться родным языком вот *таким образом*, а другими способами не пользоваться, это есть культурное принуждение. Оно может быть оправдано в некоторых случаях. Например, в Советской России в начале 20-х – 30-х годов была задача быстро организовать большое число людей, которые еще жили в социокультурных условиях как при царе Горохе, во владующую общими социокультурными навыками массу. Хоть минимальными, но какими-то общими. И тогда это было оправдано, наверное. Сейчас уже очень трудно обосновать, какие нормы должны быть приняты, введены, сделаны принудительными, какие – нет. Почему, скажем, я, для кого русский язык является родным, должен спрашивать эксперта-филолога, как именно мне произносить слово «позвонит»? Почему какие-то определенные правила должны быть общепринятыми? И какие именно? Это всегда должен быть предмет какой-то общественной дискуссии. Вы приводите пример литературы XIX века, ну хорошо. А писатели XX века? Без знания чьих произведений нельзя в России вырасти полноценным гражданином? И сразу возникает множество споров до хрипоты, до драки. В этом смысле образование, конечно, имеет принудительный характер, но то, куда будет направлено это принуждение, кто будет принуждать и на каком основании... – вот здесь возникает сложность, и здесь и происходит борьба разных групп за реализацию своих культурных, образовательных идеалов. Вот в этом и проблема мультикультурализма,

да? Вот известно, что люди из этих анклавов, о которых Вы говорите, об инкультурации говорят: «А наши женщины не хотят работать. Для наших женщин выход на рынок труда – это большое унижение, потому что там какой-то мужчина, черт знает кто, ей будет что-то приказывать. Этой женщине может приказать один человек на свете – ее муж. Нет, нельзя этого делать». И как можно тогда обосновать требования для разных анклавов следовать одним и тем же правилам? Они говорят: мы не нарушаем ваш Уголовный кодекс, но живем по своему. Можно говорить: эти женщины не осознают своих прав, им следует научиться самим распоряжаться собственной жизнью и т. д. Но кто может принудить и на каком основании?

Что касается Римской империи и идеалов отстраненной созерцательной жизни. Я, на самом деле, не знаю, какая там была ситуация – может быть, можно проводить параллели с жизнью в России в начале 2000-х – то, что собственно продолжается сейчас. У нас тоже есть мощное движение *деполитизации*. Правящая партия – это партия откровенной деполитизации. Их политика состоит в провозглашении отсутствия политики, т. е. политики быть не должно. Политики именно как сферы захватывающей борьбы за собственные идеалы.

Донских. Ну, это не факт. Кроме идеологии, у них нет ничего.

Немцев. Не знаю, может ли быть идеологией провозглашаемое отсутствие идеологии. Ну да, это циничный вид идеологии. Она на самом деле есть, но мы делаем вид, что это не идеология. Деполитизация себя, уход в частную жизнь, провозглашение партикулярных целей в качестве единственно возможных и агрессивное неприятие любых способов создания социальных

связностей – партий, движений, чего угодно. Горизонтальных связанностей. В российских условиях такая деполитизация ставит людей в положение подданных, зависимых от «вертикали». Но, вообще говоря, кто в этом заинтересован? В этом обычно заинтересованы те, кто занял какое-то положение, и любое изменение ситуации ухудшит это положение. Они говорят: о'кей, *все уже случилось*, давайте жить так, как сможем.

Исаков. Все действительно разумно.

Немцев. Да, точно! Естественно, «снизу» поджимают те, кто недоволен таким распределением благ и возможностей, и начинается политическая борьба. В этом смысле, пожалуй, ничего принципиально нового.

Макарова. Буквально два слова по поводу политизированности и неполитизированности идеалов. Опять же исторические примеры. Хорошо, Рим пошел на виллу, расслабился, христианство взяло верх. Французские аристократы, первая половина XVIII века ушли в любовь – пришли просветители, закончилось Великой французской революцией. Поэтому место пусто не бывает, должна быть борьба, конечно. Политизированный идеал, с моей точки зрения.

Донских. Я прокомментирую. Конечно, в обществе нет ни одного движения, которое не стало бы политикой, потому что это вопрос влияний. И в этом смысле вопрос, является это доминантой или не является. Если мы заведомо провозглашаем, что все есть политика, как Ленин мыслил, – он мыслил, что все, так сказать, политически. Почему он и выигрывал. Он любую жизненную ситуацию раскладывал политически. Вот даже на данном обеде кто будет доминировать? Не дай Бог, австриец придет и заявит, что он что-то хочет. Нет, я выстрою ситуацию так, что все равно я здесь буду доминировать, и т. д. В этом смысле

да, конечно, тогда все политическое, поскольку это общество. Элемент этот всегда присутствует, но делать его доминирующим и сводить к нему все нельзя. Я об этом только говорю.

Татьяна Александровна Сидорова. На мой взгляд, говоря об идеале, все-таки нужно иметь в виду, что это, безусловно, *направление*, но направление, безусловно, к положительному. И анализируя идеалы, нужно учитывать еще контекст прогрессистского мышления. Потому что, собственно говоря, разные составляющие представления об идеале существуют – и эстетический идеал, и политический идеал, и нравственный идеал, и т. д. Но тем не менее для того, чтобы мы убедились, что мы действительно имеем дело с идеалом, мы должны понимать, что идеал все-таки фиксирует благо, представление о безусловно положительном. И, соответственно, если говорить о динамическом аспекте реализации самого идеала, мы должны это соотносить с тем вектором общественного развития, который действительно реализует вот это принимаемое благо всеми. Даже вопрос, кто эти все – народ или не народ, решается в том числе тем, охватывает ли эта самая идея это самое большинство. Сплачивает ли эта идея это большинство в какое-то единое целое, которое будет считать похожим вот это самое безусловно положительное, на что оно ориентирует свои действия.

Донских. Юрий Перфильевич, не хотите сказать что-то?

Юрий Перфильевич Ивонин. Я бы воздержался.

Донских. Как можно воздержаться от идеалов?

Ивонин. Я в самом трудном положении по сравнению со всеми выступающими, потому что у меня на эту тему несколько

ко книжек написано. Я в этом смысле понимаю меньше, чем все остальные, поэтому, естественно, у меня большая степень осторожности.

Я выпадаю всегда из любого мейнстрима, хотя и не руководствуюсь принципом «баба Яга против». В чем против я? В том, о чем все говорили, не сговариваясь предварительно. То есть против коллективного тезиса, хотя по суждениям, взятым изолированно, у меня нет возражений. А тезис этот коллективный я понимаю так: если нет идеалов, то все рушится и нет никакого всенародного сталинско-адольфолоизоновичевского единства. На самом деле, это совершенно не так. Почему не так? Ключ к разгадке был дан Игорем Александровичем. Игорь Александрович совершенно правильно задал вопрос, но другие это проигнорировали: а что, собственно, идеал означает. Или попросту говоря, нужно думать все-таки о его концептуализации, в рамках каких языковых миров мы можем говорить о том, что такое идеал. И, по крайней мере, в рамках философии как наиболее мощного уровня размышления есть две традиции, причем принципиально различные в понимании идеала. Самое забавное, что ни одна из них, при всей враждебности друг к другу, ни к какому поощрению общественного единства не ведет.

Есть первая, платоническая или классическая, традиция. Она связана с основным принципом философии – принципом единства онтологического и нормативного. То есть идеал для эмпирического мира – это то, что должно быть. На самом деле *он есть то, что есть на самом деле*. В классической традиции идеал – это Бог. И в шеллингианской, гегелевской традиции – это красота как совершенство. А что такое красота? Завершенность, субстанциональность. Шеллинг прекрасно объяснил: бытие это Бог, кото-

рый творит истину в добре через красоту. Ему ничего не противостоит, но он и ничего не исключает, т. е. оказывается «всеединством». И как предмету размышления идеалу нет альтернативы. Он завершает и поглощает все остальные философские тезисы. Идеал всеединства не вмещается в отдельные индивидуальные и коллективные человеческие деяния. Что же он санкционирует? Бесконечное созерцание, эротическое восхождение, по Платону. Человек освобождается от злой «самости», трансцендируется в реальность. «Я» переходит во что-то более высокое. И понятно, что этот трансцендирующий идеал асоциален. Герой-общественник в знаменитой платоновской сказке, освободивший пленников из пещеры и выведший их к солнцу, возвращается в нее. Освобожденными нужно управлять...

Вторая традиция связана с Кантом. И она выражена словами Льва Леонидовича, что идеал – это нечто недостижимое. Добавлю от себя – и нечто небытийственное. То, что должно быть, вовсе не совпадает с тем, что произойдет непременно, обязательно. В этом смысле идеал – это то, что противоречит всякой реальности. Здесь «я» трансцендирует реальность. Идеал – совершенный интеллектуальный субъект, стремящийся к абсолютной устойчивости, маркером которой становится автономия цели и самоуважение. Понятно, что и вторая традиция жестко дисциплинирует эмпирического человека, тренирует его во имя высокого. Но это тренировка сверхчеловека. Бог оказывается каким-то двусмысленным факультативным аргументом для обоснования не то морального долга, не то противоречащего ему счастья.

Теперь возникает вопрос: а как опознать, есть у человека идеал или нет идеала? А тогда мы обращаемся к формаль-

ной стороне идеала. Ведь если мы говорим об идеале, который не имеет рядом с собой никаких исключений, он не может ни с кем конкурировать, он сам по себе и он один-единственный ориентир и регулятив жизни. Тогда получается, что идеал есть у того существа, которое стремится к *благу как центру аксиологической системы*. То есть в формальном смысле идеал функционирует как благо. В чем специфика блага, отличающая его от «рядовых» ценностей? Это ориентир, который не конвертируется, т. е. он не может быть обменен ни на что другое. Совсем просто можно сказать, что идеал есть у того человека, который готов за него умереть, он его не обменивает. Возникает вопрос: много ли мы найдем таких аксиологических систем? Ответ: две. Это религия и это мораль. Первая обосновывается в платоновской традиции, а вторая – в кантовской традиции идеала.

И то и другое – это верный путь в могилу. Ну, можем сказать начальству все, что мы о нем думаем, без перспективы последующей голодной смерти? Наверное, нет. Мораль это всегда требование бескорыстного поведения, когда идеал значим сам по себе, ни на что не может быть обменен, и он выступает как что-то принудительное: я ему служу, а не он мне. А все остальные аксиологические системы, в которых тоже есть какие-то ориентиры – экономические, политические, они очень релятивистичны, т. е. их ценности конвертируемы. Мы знаем о том, экономика может быть опорой политики. Политика, в свою очередь, стыдливо закрывая глазки на жертвы, которые она плодит повсеместно, говорит, это все для благосостояния народа или его просвещения. Религия и мораль исключают такой обмен своих идеалов.

Поэтому на самом деле единство народа зависит не от того, что большое количество людей стремятся к каким-то идеалам. Чем больше людей воодушевлены идеалами – тем больше фанатичных и «упертых»; мы приходим к бесконечному противостоянию – противостоянию, которое никогда не может быть закончено. Когда-то «карательная психиатрия» в СССР изобрела диагноз «стремление к сверхценностям (образованиям) идеям» и применяла его к диссидентам, которых было неудобно отправлять в суд. Отвлекаясь от целей эскулапов из органов, следует признать, что по большому счету они были правы. Уже в свободные времена за многими бывшими пациентами, которых пользовали фрейды от КГБ, закрепилась кличка «демшиза». Не диагноз, конечно, но все же... Бескомпромиссные и неуживчивые никакое общественное единство не организуют.

Теперь к вопросу об объективности ценностей. Здесь я совершенно согласен со Львом Леонидовичем, они непроизвольны. Они абсолютно объективны. В каком смысле объективны? Они объективны относительно выбранного блага. *Благо* субъективно: на вкус и цвет товарищей нет. Кто любит попу, кто любит попадью, а кто – попову дочку. И если кто-то любит попу, то ему не объяснить преимуществ поповой дочки! Если мы выбираем какое-то благо, то мы сразу подверстаем ценности под это благо, как ступеньки. И отказаться от них совершенно невозможно, если мы относимся серьезно к тому, что мы выбрали.

Теперь возникает вопрос об источнике этого пресловутого единства, которое здесь так искалось. Наверное, единство действительно должно быть каким-то объединяющим, и это объединение должно требовать

каких-то жертв, но не тотального укладывания на алтарь блага. Теперь возникает вопрос: а что же выступит материальным признаком того, что может быть объединением? И что долгие годы объединяло эту несчастную Римскую империю, которую Лев Леонидович похоронил уже где-то в середине Республики, хотя еще было далеко.

Штуден. Гражданские войны...

Ивонин. Гражданские войны – это Республика. А потом еще 300 лет спокойствия и благосостояния. Простой пример. На излете Римской империи она показала чудеса сплоченности и эффективности. Пример: Аэций.

На самом деле, конечно, есть объединяющие мотивы. Когда я прочел Владимира Соловьева, мне он вообще не очень нравится, меня поразила одна идея, которая у него прозвучала в цикле очерков «Национальный вопрос в России». Россия – это классическая страна меньшинств. Она всегда была расколота на какие-то группы. Эти группы, ясен пень, никаким образом не могли быть приведены в единство на принципиальной для них основе. Вопрос: за счет чего тогда вся эта машина существовала? А у Римской империи, у Московского царства, вообще у империй есть объединяющий императив: безопасность. Все империи строятся на идее безопасности. Это ограниченная и не поработавшая идея.

Исаков. Величие.

Ивонин. Ну, готовы Вы отдать своего ребенка только для того, чтобы где-нибудь над Капитолием под шампанское флаг советский повесить? Наверное, нет?

Фигуровская. Над Рейхстагом?

Ивонин. Над Рейхстагом тоже сомнительно, но уже как-то можно подумать. Поэтому единство зависит не от идеалов, а от каких-то приземленных проектов, которые работают в идеологии.

Ну, это уже другой вопрос. Идеология – это... ложный друг переводчика. Хотя она намекает, что как-то связана с идеалами, но это абсолютно не так. Никакого блага, которое формально требует абсолютно бескорыстного отношения к себе, в идеологиях просто по определению быть не может. Они все прагматичны и очень условны.

Донских. А мифология?

Ивонин. Ну, я не знаю. А что здесь мифология?

Донских. Ну, она какую-то объединяющую роль играет?

Ивонин. Да, но просто опять же, говоря словами г-на Немцева, «в борьбе обрешь ты право свое». И множества мифологий всегда боролись между собой, да и все мифологии, как известно, эту борьбу провоцируют. Мифология всегда очень конфликтна. Ну, хотя бы в силу дуальности ее строения; там уж неминуемо выбираешь, на какую сторону ты становишься. Может ли быть на основе мифологии построено что-то, что могло бы быть идеалом – не знаю. Крупнейший миф современного мира – миф о Христе – в этом смысле создал гораздо больше противоречий и «борьб», чем все мифы предшествующих времен. Как сказал Розанов, антропологический материал, найденный Иисусом в Палестине, был выше того, который Он оставил после Себя. Он освободил людей, всех, оставил их наедине с собственной совестью. Потом уже *Ego* исправили Великие Инквизиторы, заботясь об общественном единстве. Но сам-то Он был анархист и революционер. Изначально он был таким. Поэтому не берусь судить про мифологию, но такое впечатление, что с ней общественное единство тоже не шибко сыщешь.

Вальдман. А вот насчет единства – оно, возможно, все-таки и было. Дьяконов

Игорь Михайлович говорил: в мифологии никто ни с кем не спорит. Нет этого дискурса внутри спора и выбора нет, во многом он просто риторическая фигура, там выбор задан заранее. В зависимости от выбранного положения, половозрастного разделения труда и твоего статуса однозначно понятно, какой выбор тебе сделать. То есть там вариантов нет: шаг влево, шаг вправо – попытка к бегству. «Илиада» не случайно говорит о тотальности, если не о тоталитарности этого способа регулирования, который предъявлен в мифологиях. И в этом смысле идеалы, наверное, не концептуализированы там, но оформлены, поскольку обрели форму сакральности, а идеал – это безусловно сакральность ...

Ивонин. Тогда я задаю простой вопрос Игорю Александровичу. А зачем тогда Платон предлагал изгнать Гомера?

Фигуровская. Не нравился он ему.

Ивонин. А почему не нравился?

Вальдман. Многие говорили, что напраслину возвел на богов и на людей, и все говорят о возможности конфликта...

Ивонин. Да, мифология содержит опасности разбегания. Вспомнить хотя бы: как только мифология была как-то обобщена, и тут же начались тайные секты типа Элевсинских мистерий.

Вальдман. Это уже идет разрушение, это уже не то мифологическое сознание, в чистом, вообще говоря, родовом варианте.

Фигуровская. Высоколобые, а давайте попроще теперь. А как быть родителям, которых ребенок спрашивает? Крошка-сын пришел к отцу/ И спросила кроха/Что такое хорошо/что такое плохо? Речь-то идет о том, чтобы можно было сохранить нашу культуру. Культуру, построенную на наших идеалах. Они есть общечеловеческие, но в нашей истории они во многом имеют свое

содержание, которое выболено, которое кровью пропитано. И как сохранить это? И как передать опыт поколений тем, кто сейчас растет? Мы в результате 80-х – 90-х потеряли по крайней мере два поколения, потому что воспитывали детей: красть – это плохо; оскорблять старших – это плохо; ходить, что называется, по трупам, добиваясь цели, – это плохо. А когда сказали: берите, сколько можете унести, и кое-кто взял, не считая это воровством, и на этом возвысился над совестливыми... А другие – молодые люди в возрасте 20, потом 30 лет – они не смогли найти своего места именно потому, что их воспитывали на других примерах и других идеалах. О чем мы сейчас говорим? Есть у нас идеалы? Нет у нас идеалов. Мы можем действительно говорить только о каких-то вечных, философских, обращаться к Римской империи, обращаться к XIX веку, это уже нам ближе. Но на самом деле проблема исключительно актуальная: что мы, люди, занимающиеся образовательной деятельностью, воспитывающие молодежь, должны сделать для сбережения и развития культуры, сохранения духовных ценностей? Говорить о том, что каждый имеет право на приватную жизнь? – да конечно. Но эта приватная жизнь связана с тем, насколько человек ощущает, что есть свобода: свобода пихать всех локтями или свобода уважать мнение другого? И наша задача как раз состоит в том, чтобы показать: если будешь толкать локтями – это плохо, а если будешь уважать, прислушиваться – это и тебе будет лучше, потому что ты в себе больше сохранишь человеческого. То есть очень важно, конечно, теоретически в этих вещах разбираться, но давайте помнить, что мы и практикой занимаемся, воспитательной практикой. Поэтому мне представляется, что красиво говорить о мо-

дернистских, постмодернистских исканиях – это очень важно, потому что человеческая культурная традиция уже по этим точкам прошла и предложила свои решения. Но сейчас мы в другой ситуации. Нам-то надо разбираться с тем, что нас ждет.

Донских. Мы когда будем заканчивать, будем разбираться с тем, что здесь было сказано, каждый сможет коротко высказаться. Но я хочу сказать, что у меня подозрение есть, что образование – это не услуга.

Фигуровская. Да, я тоже так считаю.

Исаков. У меня маленькая реплика по этому поводу.

Выражение «последние два поколения мы потеряли», так как воспитанием этих молодых людей никто не занимался, неявно подразумевает, что предыдущие поколения потеряны не были, так как их-то воспитывали. Но ведь все подвиги разудалых 90-х на совести тех самых предыдущих поколений, которых воспитывали в верности высоким коммунистическим идеалам с детского сада. Как только рухнула советская власть, выяснилось, что реальные ценности, нормы и идеалы всех слоев общества, от элиты до маргиналов, провозглашаемым высоким образцам категорически не соответствовали. Выяснилось, что большинство людей придерживалось этих ценностей и идеалов просто потому, что у них не было выбора, возможности поступить иначе: догматическая идеология в СССР подкреплялась и жестким социальным давлением. Когда же эти духовные и социальные заборы рухнули (сделав, кстати, во многом излишним и лицемерное исповедование этих «высоких» идеалов), выявилась абстрактность идеалов Добра, Справедливости, Гуманизма, Свободы, бесценности человеческой жизни, их кричащее несоответствие, скажем так, современному устройству общества, семьи

и человечества в целом. Это реальное несоответствие «высоких» идеалов тем «низким», которыми реально руководствуются люди в своей жизни, так или иначе ощущается, осознается всеми членами общества, молодыми особенно. Поэтому для воспитателя совершенно недостаточно просто провозгласить одну систему ценностей и идеалов и осудить другие. Необходимо понять и объяснить молодому человеку, почему плохи «низкие» идеалы, несмотря на то что они эффективны и позволяют добиваться успеха, какова цена такого успеха для самого человека и для других, подвести его к выбору... Это трудно и непривычно, но если этого не делать, мы потеряем и это поколение.

Фигуровская. Именно поэтому надо разобраться в том, что такое идеалы и как они соотносятся с ценностями.

Ивонин. Тогда Вы попадаете в презираемую теорию.

Фигуровская. Нет.

Наталья Леонидовна Чубыкина. Совершенно верно, попадаете. Меня убедил Юрий Перфильевич.

Ивонин. Я никого не убеждал.

Чубыкина. Пусть никого не убеждал, но убедил. Мысль в обсуждении крутилась, Игорь Александрович Вальдман об этом вскользь говорил. У меня не сложилось никакого понимания, чем идеалы от идеологии отличаются: встроены они в нее – не встроены; вообще, для чего эти идеалы? Нужны они или нет для социальных построений; нужны они или не нужны для объединения – опять же для объединения чего: страны, народа, государства? И когда Вы переходите в практическую плоскость, Валентина Михайловна, или, вернее, зовете туда, то Вы зовете снова в эту путаницу. Идеалы – это идеология или это полити-

ка, пусть образовательная или любая другая? Политика – это во благо или во вред? И опять по этим кругам.

Я себе плохо представляю какой-то Золотой век, который к тому же еще описывается как явление двадцатилетней давности, когда молодые люди прекрасно понимали, что наступать на горло друг другу за разнообразные блага – это плохо, и не наступали, а любить ближнего хорошо – и любили. Во-первых, этого не было. Во-вторых, им никто этого не стремился объяснить, чтобы они это поняли, осознали, приняли осознанно. Стремилась подчинить. И сейчас, если мы не лезем в теорию, насколько принуждение – ну это же явно принуждение, потому что в краткосрочной перспективе «плохое» выигрывает всегда – насколько эти идеалы осваиваются, бытуют без принуждения. И если не подкреплять это «теорией», не возвращаться к Богу, к абсолютному благу – долго ли продержится мораль, не став голым морализаторством? Если в обществе возрождать и укреплять благо, то, по-моему, заставить можно, убедить – нет.

Фигуровская. Я ничего подобного тому, о чем Вы сейчас сказали, не имела в виду. Я не имела в виду, что давайте сейчас объяснять, что такое хорошо и что такое плохо. И что все хорошо было двадцать лет назад, а потом стало плохо. Я совсем не об этом. Я о том, что когда есть некие образцы, по которым мы можем передать свой опыт другим, мы сохраняем целостность страны, народа, да как угодно это все можно назвать. И когда я говорю об идеологии, я имею в виду не борьбу политических партий, а говорю об устройстве мира в гегелевском понимании, устройстве мира в соответствии с мировыми законами, Мировым Разумом. Вот что я понимаю под идео-

логией. А это значит, что мы должны разобрататься по-настоящему в понятиях, содержании категорий.

Чубыкина. Но тогда остается тот тезис, о котором Юрий Перфильевич говорил: объединяет больше всего стремление к безопасности. Пока она необходима и обеспечивается, единство практически гарантировано. Когда в защите пропадает необходимость, единство рассыпается. Как-то все понятно.

Фигуровская. Не знаю, все ли понятно, потому что это сытая кормушка и тихий свинарник...

Павел Дмитриевич Муратов. Маленькая заметочка на полях.

Лев Леонидович вспомнил заповеди и назвал отчетливо одну – «Не убий». Она не первая, но она важная. Как, по Библии, было дело? Моисей только что получил скрижали, а в скрижалях записаны заповеди. От него свет идет, от Моисея, так он проникся общением с Богом. А в это время в еврейском лагере скачут и веселятся, потому что сделали золотого тельца и все у них хорошо. Моисей, когда спустился, увидел это, с его точки зрения, безобразно, он эти скрижали шарахнул об землю. Они раскололись, потом надо было другие две делать. Позвал сынов левииных – это были воины среди израильтян – и сказал: пойдете по стану в одну сторону до конца и назад. И кого ни встретите – родной, друг, разите. И пошли сыны левиины по всему стану, туда и сюда. И пало в тот день более трех тысяч израильтян.

Спрашивается, а как на счет заповеди?

Штуден. А он разбил скрижали.

Муратов. В общем, если будем следить любую историю – христианскую, какую другую, мы при клятвах: «Сохраним жизнь, жизнь священна» постоянно будем видеть

уничтожение одним человеком другого. Всегда войны. История человечества – она вся на войне, героизм и все такое. Почему же все-таки эта заповедь не вычеркнута, раз уж так повелось, а потому что не в заповеди только дело. А дело в том, что при тотальном смертоубийстве – это самоуничтожение человечества. Из инстинкта самосохранения, из понятия необходимости сохраняться человек помнит заповедь, ее почитает, хотя она конечно, не закон, который нельзя переступить, а доброе пожелание.

То же самое о том, что тотальное обучение – это принуждение. Да, принуждение. Но ведь человек, которого принуждают, сначала сопротивляется, всяко-разно ногами топает, руками отмахивается. Спустя совсем недолгое время он начинает чувствовать, что это же его жизнь. Он вывески все читает, он прочтет, что там на бутылке написано. То есть польза совершенно очевидная, и поэтому вопрос принуждения становится совсем в другой плоскости. «Принуждают! Каторга! Пропади оно пропадом, повешусь!» Спустя некоторое время: «Не буду вешаться, перетерплю – обрету силу». И также по другим категориям. Какой бы я хотел для себя лично вывод сделать? А тот, что идеалы, конечно, умственная формулировка. Но живучие – это те, которые обеспечивают реальные потребности жизни человеческой. Они формулируются либо четко: «Не убий!», либо еще как-нибудь, а потом еще «кудри» замечательные, объясняющие *что да почему*. А под этим-то тем не менее та самая реальная потребность жизни, которую нельзя вычеркнуть.

В 80-х годах довольно много писали про семейство Лыковых. Это были старообрядцы, которые прятались в Красноярской тайге. Я был в мастерской одной красноярской художницы, Эльвиры Мота-

ковой, а Эльвира Мотакова вместе с хорошим человеком к ним туда сходил. Дорога была уже известна, открыли Лыковых геологи, и пошла о них серия статей, в «Литературной газете» в частности. Ко времени появления у них Мотаковой семейство все вымерло, осталась одна Агафья. Художница принесла ей продуктов, подарки, а у нее взяла одежду братьев и сохранившийся хлеб. До беседы с Мотаковой у меня была святая вера, что старообрядцы – они же от того времени, от XVII века со всей его тогдашней русской культурой и это мы сейчас увидим. Что же я увидел? Я увидел, например, штаны из крапивы. Крапива обмита, из нее сплетена ткань, похожая на рогожу, из рогожи крапивой же шиты штаны. Но это еще ладно. Покрой этих штанов был не только без всякой выдумки, без всякого искусства – он был нелепый. Примерно можно представить себе мешок, снизу как бы немножко разрезанный – зародыш штанин. И вот в этот крапивный мешок человек влезал и жил. И ему было хорошо. Другого он не умел и потому не имел.

Но мы-то в такой мешок с какой стати полезем? Лыковы от всего отказались, никакого учения у них нет. Свобода! Вместо сохранения высоких традиций они опустили до медведей. Остановились в шаге от косолапых. И это запомнилось мне на всю жизнь. И какие бы разговоры об образовании ни говорились: принуждение – не принуждение, но благо это безусловное, и человек, получающий образование, это прекрасно знает.

Елена Николаевна Наумова. Я из Новосибирска родом, математик по образованию, заканчивала Новосибирский электротехнический институт. А сейчас я профессор в Тафтовском университете. Я математик, в философии вообще-то ничего не понимаю и чувствую себя как-то очень

дискомфортно. Но я хочу сказать, что вы такие счастливые люди, что вы можете говорить не про погоду и не про бургер. Это уже здорово. И столько замечательных идей. Я хочу поделиться своими мыслями. Во-первых, насчет идеала. Я спрашивала у своих детей, они у меня выросли в Америке, 20 лет как они переводят русское слово «идеал». Они его сразу же перевели как «american ideal». И вот так, похоже, сейчас чувствует каждый ребенок в Америке: идеал – это ideal. Ideal – это значит celebrity, а дальше дело не идет. Поэтому «идеал» воспринимается на уровне популярной культуры, и дальше никаких моральных компонентов я не вижу вообще. А мне бы было очень интересно увидеть.

Во-вторых, меня очень зацепила идея насчет ценности человеческой жизни. Я математик и занимаюсь измерением стоимости человеческой жизни. Это одна из частей проекта, который мы делаем. Есть специальные характеристики, их называют ожиданием жизни (life expectancy). В какой-то части это зависит от того, какую зарплату получает человек, насколько приносит пользу обществу. Но это даже неважно. А очень интересно, что математически выписывается красивый закон, который можно так описать: на каждого, кто получает очень много, есть очень много тех, кто получает очень мало. То есть это пирамидальная система, которая очень хитрая, и соотношение баланса в этой системе имеет тоже такую хитрую форму. Мы математически исчисляем эту систему, которую называем diversity. Именно крутизна: как долго падение происходит, как мало тех, которые получают очень много, и как много тех, которые получают очень мало. И вот это пропорциональное соотношение как раз измеряется одной элементарной величиной.

Так вот, мне почему-то казалось, что это переход от малого к многому и есть подход, связанный с гармонизацией. Она же является понятием идеального состояния, что математически это, на самом деле, асимптота, которая практически недостижима, но теоретически возможна. И мне было очень интересно послушать этот разговор, потому что понятие ценности жизни с точки зрения чисто математической, может быть, через это связано с философией. И потом, меня еще сильно зацепил этот момент, потому что если существует разница по стоимости человеческой жизни, то тогда всегда присутствует дискриминация. Тех, кто будет каким-то образом в этом обществе дискриминирован, – вылезть на верхушку не можешь, остаешься где-то внизу или сам себя оставляешь где-то внизу, не выбираясь наверх, тогда получается, что идеология, в принципе, – защита этой дискриминации в той форме или другой.

Донских. Мы подходим к концу, и у меня предложение: если кто-то хочет высказаться в заключение, сказать коротко какую-то мысль, которую хотелось бы все-таки сказать.

Татьяна Александровна Сидорова. Я в заключение хочу опять же пример привести. Поскольку на занятиях с юристами происходят все время аналогичные баталии – я одна против всех студентов-юристов, но когда я ухожу в конце занятия из аудитории, у меня ощущение, что что-то изменилось все-таки у них. Иллюзия, скорее всего. Вот сейчас я буквально с такого «боевого действия». Психологи рассказывают, что преступники, которые находятся в заключении, когда они просматривают детективы, где добро борется со злом, а воплощением добра являются люди в погонах, оказывается, занимают

позицию – чью бы вы думали? – позицию добра. То есть, в принципе, противоположной им стороны в реальности. Поэтому, на мой взгляд, в каждом человеке, в эндогенной природе, наверное есть стремление вот к этому безусловному единству. Это именно человеческое. Не животное, не ради сохранения жизни, а именно ради сохранения человечности как эмерджентного человеческого состояния.

Штуден. Несколько слов по поводу эпизода в Ветхом Завете, о котором упомянул Павел Дмитриевич. Действительно все так, только что прозвучавшая заповедь была нарушена, но то был символический жест. Моисей ведь не положил бережно скрижали на землю, он их разбил. Символический этот жест означал, что заповедь «Не убий» для этого народа несвоевременна.

Муратов. Скрижали-то были потайные. Поэтому этот жест такой промежуточный. Он не набрал веса символа. Это событие просто.

Штуден. Событие. Но символическое событие.

Донских. Но он не единственный, кто с Богом беседовал, вот в чем дело.

Исаков. Мне кажется, что в тезисе о безусловной ценности человеческой жизни потеряно одно слово, которое может прояснить дело: слово *своего*. То есть нельзя убивать *своего*. Если так сформулировать, то все становится на свои места. Пока свои только семья или род, то что бы *свой* ни сделал, каким бы подлецом он ни был – он свой. И как бы несправедливо это ни было по отношению к чужому – чужого *надо* убить, если это *надо* роду. И вся история, если ее рассматривать в этом смысле, есть расширение понятия «свой». С какого-то момента расширение дошло до всего человечества и тезис приобрел вселенский ха-

рактер – уже любого человека убить нельзя. Вплоть до того, что по Швейцеру ценность жизни как таковой вообще абсолютна, и комара нельзя убить. Очевидно, что человечество еще не созрело до этого идеала, и на сегодняшний день, да и на завтрашний, разделение «свой–чужой» останется в силе. И мораль, и отношение к ценности жизни своего и чужого всегда было разным и остается разным, и в обозримом будущем будет разным.

А своего действительно убивать нельзя, это уже обезьяны знали.

Фигуровская. Если уже по поводу этого самого тезиса «Не убий», то насколько в практике реализуется эта заповедь? Скажем, бесконечные человеческие войны, когда в военных расчетах закладываются потери живой силы. Не записывается, что «Иванов, Петров, Сидоров», но 10-15 % наступающих обязательно погибнут, а 30-40 % людского состава противника должно быть уничтожено. И это есть хорошо? Ну, это по поводу заповеди. А что касается проблемы идеала, я остаюсь при том мнении, что необходимо не только вырабатывать содержание идеалов, способствующих развитию человека, человеческого общества, но и самыми современными средствами содержание этих идеалов в образовательную практику обязательно внедрять.

Вальдман. Я попытался бы ответить на вопрос Валентины Михайловны, когда «крошка сын к отцу пришел». Что сказать-то? Я думаю, очевидно, что он будет говорить, независимо от содержания, что «палочки надо ставить *перпендикулярно*», ровно до тех пор, пока его этот кроха еще слушает. Действительно, эффективно, полезно, во всяком случае, толкаться локтями. И если нельзя обманывать, что это не работает, тогда надо найти, а что *еще* работает. То есть

конструктивную критику, не отрицание того что есть, тем более что оно работает в своей сфере, а замещение какое-то. Действительно, какое-то расширение происходило от малых обществ. Про «своих»-то было очень хорошо сказано. Сама свобода – прерогатива своих. Но в заповедях, если по поводу библейского компонента, то первые, стало быть, главные заповеди говорят о том, что «Аз есмь». Я – Бог твоих, соответственно, твой, и не будет у тебя богов других перед моим лицом. Это и охарактеризовало всех своих, по отношению к которым и будет все остальное. Прямо в тексте.

Донских. Иначе говоря, поклоняясь тельцу, вы стали чужими.

Вальдман. Да. И в этом отношении оно звучит внутри же самого этого теста.

Ивонин. Слова Натальи Леонидовны меня вдохновили, я так понял, что не очень ясно выразился, хотел поэтому немножко прояснить самое важное. У идеала есть функция, и это функция дизайна самоопределения. Никакой социальной нагрузки идеал не несет. Есть два варианта самоопределения: либо для тебя сверхценностью, то есть благом, выступает Бог, либо ты преследуешь сатанинские гуманистические ориентиры. В этом смысле ты стремишься к своей собственной устойчивости, и парадоксально ты даже можешь пожертвовать собой ради этой устойчивости, сжечь себя на костре собственной гордыни, но не покориться ничему внешнему. Вот это два предельных идеала. А единство – оно связано не с идеалами, а с проектами. С идеологиями. Сами же идеологии прямого отношения к идеалам не имеют в силу их релятивистичности и конвертируемости.

Немцев. Я заметил сейчас, в ходе дискуссии, две важные особенности этой дис-

куссии. Во-первых, социальность доминирует в мышлении. Идеалы обсуждаются все равно социально. Идеал – это то, что принадлежит некой группе. Будь она «своя» или «чужая». Идеал – это то, что делаем *мы* либо по отношению к кому-то, либо по отношению к самим себе. Тогда получается, что я могу себя вести по отношению к идеалам лишь как представитель какого-то сообщества, комьюнити. При этом я индивидуально самоопределяюсь. Но я же не голый человек на голой Земле. У меня есть некоторое «воображаемое сообщество», к которому я принадлежу, и оказывается пусть не невозможно, но очень трудно обсуждать идеалы без того, чтобы указать: чьи они, в каком исторически пространстве-времени и по отношению к кому их рассматривать.

И второе. По-моему, очень интересно то, что как только речь заходит об идеалах, все равно разговор упирается в религию, которая до сих пор, по-видимому, остается самым мощным примером идеально ориентированного поведения. Идеально-рационального такого. Это очень интересно. Революции приходят и уходят, а религия осталась.

Чубыкина. Я не имела каких-то ясных представлений по заявленной теме, гуманитарных знаний явный недостаток. Интуитивно была согласна с Олегом Альбертовичем в том, что идеалы нужны для объединения общества, то есть для создания какого-то целого с едиными ценностями. После разговора вопросов больше, чем ответов. По мотивам можно сказать, что общество живет, организуется нормами и правилами, идеология закрепляет эти нормативы, а может, навязывает, а ценности помещаются в каких-то пространствах, которые к этим нормам и правилам, и особенно идеологиям, имеют отношение не-

прямое. Допустим, если мы выберем набор идеалов – пусть два-три, хотя сегодня обсуждался один, то где механизмы жизни по ним, чтобы вернуть общество в желаемое русло?

Звучал тезис о вроде бы необходимости формирования преподавателями правильных нравственных установок у молодежи. Но молодые люди попадают в вузы довольно сформированными. Каковы возможности этого влияния? Тогда правильные ценности должна прививать семья. Про семью, как носительницу ценностей, есть анекдот: я пью, курю, матерюсь и ворую, а ты, сынок, этого не делай – это плохо. Вообще, зарождение и обращение ценностей в обществе, а также проникновение их в массы – дело не совсем понятное.

Еще картинка. Западная цивилизация, Россию я там же подразумеваю, развившаяся культурно на основе христианства, на его заповедях, по идее имеет одни идеалы, но различные идеологии. И жизнь тоже очень разная, в соответствии с идеологиями, нормами и правилами. Еще: семья, род – основа «свойскости». И где эта семья оказалась в Гражданскую? Видимо, в историческом процессе идеалы практического значения, так сказать, прямого действия, не имеют. С социальными процессами они связаны как-то хитро. Так что обращение к теории неизбежно, если мы не хотим остаться только с политикой.

Ивонин. Пепелище там, где были умы.

Донских. Ну и гуманизм всегда немножко пахнет серой. Что-то inferнальное в нем есть, и он на это направлен.

Ну, я, во-первых, хотел бы все-таки всех поблагодарить за участие, мы еще разошлем эти вопросы, надеюсь, какое-то количество людей нам ответят и мы расширим существенно наш круг.

Дело в том, что здесь есть на самом деле несколько точек непонимания, несогласия, поскольку вещи достаточно глубокие, и их нужно обсуждать, т. е. формировать то поле, в котором можно действительно обсуждать и понимать, что мы говорим об одном. В ряде случаев мы говорили о разном, хотя я думаю, что здесь согласия больше, чем несогласия, в ряде отношений. Я бы один пункт выделил. Сейчас – и это не только в России, конечно, – идет очень резкое наступление на церковь, и это не случайно, потому что гуманистическая идеология, которая вроде бы защищает индивида, в действительности направлена против него. А церковь – это, по-видимому, единственная структура, которая в настоящий момент формирует некоторое, может быть, идеальное единство. Но тем не менее христианская цивилизация – это христианская цивилизация. Здесь есть какие-то разные уровни единства. Так же как единство языка – это единство или нет? Конечно. И в этом смысле крестьяне и помещики говорили все-таки на русском языке.

Немцев. Почему Вы так недооцениваете факт, что помещики говорили на французском?

Донских. Не все помещики по-французски говорили. Коробочка по-французски ни слова не знала. А были и провинциальные дворяне типа Киреевских, которые говорили на пяти языках. И насколько я помню, Пушкин и по-русски писал, не только французские стихи у него.

Немцев. Я Вас перебиваю, но ведь действительно проблема: насколько народ был *единым*.

Донских. Вы понимаете, это отдельная тема. Если совсем коротко: я считаю, что Петр расколол общество, и вот после этого оно заговорило на разных языках. Я про-

сто не об этом хотел сказать. Я хотел сказать о том, что есть разные уровни объединения. Религия в этом смысле – это один из мощнейших, потому что она говорит о безусловном. И только она. Как только мы начинаем делать относительно – вот эти вот индивидуальные траектории, выбор с трех лет, ребенок должен стремиться куда-то, и т. д. – все, общество распадается. Единственной, между прочим, скрепой оказывается государство. То есть дальше мы должны молиться на него. Оно должно создавать приюты, оно должно то и это: оказывается, оно всем должно. А потом нам не нравится, что государство нас давит, и мы начинаем с ним тихо воевать. Но уже такого монстра при этом воспитали, что уже дальше... А идеал – действительно, что нас сейчас объединяет? Нас только бизнес объединяет. Россию сейчас объединяют только финансы. Больше ничего вообще. Можно и так сказать. А это реальность, потому что оно пока держит все. Но оно же его и растаскивает. Но это другая тема совсем.

В любом случае я хотел сказать, что не считаю этот разговор законченным, но, по крайней мере, он начат. И вот это уже хорошо.

По традиции вопросы круглого стола были разосланы заочным участникам. Ниже публикуются их ответы и комментарии.

Вячеслав Васильевич Чешев

1. Идеалы как фактор общественной жизни.

Идеалы являются необходимым и неустраняемым фактором общественной жизни. Необходимость идеалов обусловлена самой сущностью культурных форм жизни. Суть дела в том, что поведение индивида и поведение на уровне сообществ и цивилизаций определяется фундаменталь-

ными культурными смыслами, программирующими это поведение. В ходе действий, совершаемых обществом и в обществе, смыслы обретают конкретное содержательное выражение, связанное с действием, и формой организации и выражения смыслов становятся идеалы. Индивид и общество, как целостная система, стремятся осмыслить собственные действия, придать им целенаправленный характер, и в этом контексте идеалы определены фундаментальными смыслами, направляющими действия общества и индивидов. Идеалы могут быть выражены в разной форме, в частности, разные формы выражения идеалов предлагают мифическое сознание, рациональное сознание, представленное философией, и религиозное сознание.

2. Идеалы современного общества. «Заблудшая Россия» или «глетворный Запад»?

Вопрос об идеалах современного общества не может ограничиться только указанием на их конкретное проявление, на их присутствие или отсутствие. По большому счету, жизнь потребительского общества, т. е. общества, в котором доминирует идеал потребления, бессмысленна. И в этом контексте встает интересный вопрос, а может ли существовать идеал бессмысленности, иначе говоря, идеал бессмысленной жизни. Если исходить из того, что человек без смысла жить не может (Ф.М. Достоевский), что культурная жизнь предполагает существование смыслов, программирующих поведение человека через сферу сознания, то всякая жизнь, в том числе и жизнь бессмысленная, должна получить оправдание в сфере сознания. Тогда сознание неизбежно будет конструировать идеал, направляющий жизнь бессмысленную на ее бессмысленное течение. Собственно, Ф.М. Достоевский указал в свое время в «Легенде об Инк-

визиторе» на модель общества, в котором ликвидируется высокий смысл, направленный на обретение свободы и возвышение человека, и подставляется «смысл бессмысленный», частная жизнь индивидов, которым позволено даже грешить под строгим присмотром Инквизитора. Теоретически становится возможным идеал «осмысленной бессмысленности» (неизбежный оксюморон). Можно ли утверждать, что современная жизнь имеет дело с проявлением чем-то подобного? На мой взгляд, можно и необходимо. Этот идеал бессмысленности объединяет оба явления, т. е. и «тлетворный Запад» и «заблудшую Россию». Разумеется, определение «тлетворный Запад» носит характер публицистический, и серьезное обсуждение требует иной постановки вопроса, а именно: каков идеал в жизни современного Запада и как он соотносится с фундаментальными смыслами западной культуры. Вопрос достаточно серьезный, и одной фразой на него не ответить. Но нет сомнения, что возрожденческий и просвещенческий идеалы самоутверждающегося индивида сегодня трансформировались в идеал общества потребления, а Россия, подражающая этому идеалу, несомненно «заблудшее дитя». Во-первых, этому идеалу не нужно подражать (тупиковый) и, во-вторых, его уже невозможно осуществить (и не только в России). Нужен свой путь развития, а не отказ от истории. Иного не дано.

3. *Способы представления идеалов в мифологии и идеологии.* Конечно, способы представления идеала разные не только в разных культурах. Всего важнее сознавать, что мифологическая, религиозная и светская рациональная культуры дают разные средства и способы представления идеала. Я бы хотел отметить, что идеалом христианства по самой его сути является всечеловеческое

братство, и способом его выражения была любовь к ближнему своему и господу Богу, единому отцу всех живущих. Другую форму приобрел этот идеал в светском и даже атеистическом сознании советского времени (я говорю об идеале, оставляя здесь без внимания политическую практику этого времени). И для понимания нашего недавнего прошлого нам следовало бы больше внимания уделить не тем или иным прецедентам политической практики советского времени, сколько природе его идеалов и форме их выражения.

4. *Вера (в Бога, в научный прогресс, в демократию, в капитализм и т. п.) и общественные идеалы.* Во что верить сегодня? Вера может быть разной, я вспоминаю иногда сказанное одним бардом прошлого с иронией и даже немного с издевкой: «Я всегда во все светлое верил, например в наш советский народ». Но, может, такая вера имела бы сегодня больший смысл, чем вера в потребительско-рыночный рай, который наступит сам собой при победе «демократии». Но более фундаментальным мне кажется другое. Человек и человеческие сообщества, эти культурные формы жизни на Земле – есть высшие формы жизни. В конце концов, они невольно самим фактом своего появления поставлены в ответственное положение за Жизнь в ее не только земном, но и космическом проявлении. А жизнь есть делание добра, этим я мало изменяю смысл утверждения В.С. Соловьева об обществе как организованном делании добра. Добро как форма нравственности и нравственность как необходимое условие продолжения жизни – вот мысли русской философии XIX века, к которым нужно обратиться сегодня в «поисках веры», в поисках смысла, в поисках идеалов. Социальная организация всегда выстраивается в соответствии с некоторой этикой и тем самым с заложенным внутри нее идеалом.

Это обстоятельство должно быть исходным для социальных и этических поисков нашего времени.

Георгий Александрович Антипов

В связи с нынешним нашим обсуждением припомнились стародавние советские времена, когда нас, студюзов, в курсе как бы философии (официально обзываемой диалектическим и историческим материализмом) заставляли читать и конспектировать ныне благополучно забытую статью Фридриха Энгельса «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии». В статье этот дружка Маркса разразился, в частности, презрительной тирадой против одного, сейчас уже совершенно неизвестного комментатора философии Фейербаха за то, что тот отождествил философский идеализм и стремление к реализации неких идеалов, например истины, сострадания и т. п.

Как же так, – вопил этот коммунист-капиталист, ведь подобным образом рассуждает немецкий филистер подбирающий крохи философского образования в стихотворениях Шиллера – мечтателя-филистера. Под материализмом пресловутый филистер понимает обжорство, пьянство, похоть, плотские наслаждения, алчность, биржевые плутни – все те грязные пороки, которым он сам тайно придает. Идеализм же у него означает веру в добро, любовь ко всему человечеству, веру в лучший мир, о котором он кричит перед другими, но в который он на самом деле начинает верить, лишь когда у него голова болит с похмелья или после банкротства.

И Энгельс проделывает удивительный головной кунштюк, оценить который по достоинству мы – студюзы – тогда, конечно, не могли. Идеалы идеальны только в том смысле, что они – продукты человеческой головы, феномены мышления. А по-

сему, хихикает Фрэд (так его кликал Маркс в повседневном обиходе, сам откликаясь на Мавра), любой мыслящий человек уже идеалист. Что нелепо. Типичное *reductio ad absurdum*. Но типично софистическое. «Идеальное» потому идеально, что является производным, вторичным, отражением внешнего мира. Воздействия внешнего мира запечатлеваются в голове, отражаются в ней в виде чувств и мыслей, в виде, таким образом, «идеальных стремлений», тем самым становясь «идеальными силами».

Этот *alter ego* Маркса не мог взять в толк, что наряду с реальностью первого порядка (природой) существует реальность второго порядка – мир смыслов. Смыслы, не являясь феноменами вещественно-энергетического характера, вполне объективны по отношению к индивидуальному сознанию человека. И в этом состоит их «идеальность». В конечном счете они представляют собой формы, определяющие деятельность и поведение человека. Первым, кто догадался о существовании особого мира идеальных форм, был, конечно, Платон. Этот мир подчиняется, по видимому, особым объективным механизмам функционирования, о чем в XX веке стал догадываться Карл Поппер. Главное свойство того, что именуется идеалами и заключается в их принадлежности к данному миру.

Правда, до сих пор в использовании самого понятия «идеал» схлопываются две существенно разные языковые игры. Идеал – совершенный и потому недостижимый образец чего-то, например красоты. И идеал – синоним понятия ценности. Как заметил в свое время русский философ послеоктябрьского зарубежья Б.П. Вышеславцев, отсутствие категории ценностей – главное упущение Маркса. Он боится категории ценности, ибо она есть должное, обращенное к свободе, приводит к выводу, что со-

знание определяет бытие, дух формирует материю. Ценности суть основания выбора, а значит, свободы, их роль в человеческом мире сопоставима с ролью закона гравитации в мире природы.

В последнее время все чаще сталкиваешься с прецедентами публичной тоски по идеологии. Не хватает, мол, ее нам. А нужна. Надо бы, однако, для начала взять в хороший толк, что, собственно, скрывается за этим словом. В самом широком смысле – идеология есть форма рационального обоснования существующей или вновь конструируемой системы ценностей. И это, конечно, паллиатив. Основания ценностей иррациональны, это вера. Идеологии начали появляться, когда «Бог умер», говоря словами Ницше. Ленин попытался заменить «умершего» Бога умершим, правда в другом смысле, Марксом, и получилась омерзительная по своим проявлениям квазирелигия – «научная идеология» со своими святыми, упокой в кремлевской стене и рядом с ней.

Вячеслав Вячеславович Корнев. Самое банальное суждение состояло бы в том, что мы живем в эпоху крушения идеалов, в прагматическое время после «смерти Бога» и всего сакрального. Как и всякая банальность, эта сентенция кажется истинной только на каком-то простом и предельно обобщенном уровне, но становится ложной в собственно философском аспекте.

Да, обычные современные сетования на нехватку идеального или просто идейного имеют для себя некие основания. Даже беглое сопоставление культурных фактов нашего и более раннего времени покажет существенную разницу в том, что метафизики называют «духовностью», культурологи связывают с «аурой подлинности», а спортивные, например, болельщики в этом случае скажут: «раньше у наших футболи-

стов горели глаза», «тогда играли за Родину, а не за деньги», «те просто умирали на поле». В таком сравнительном анализе почти любая эстрадная композиция советского времени покажется и более красивой, и умной, и именно музыкальной, нежели типовой шлак современной эстрады. Лица актеров фильмов 50-х и 60-х кажутся особенно выразительными, одухотворенными. Идеальное присутствует в них и как «души прекрасные порывы», как высокого пафоса слова и поступки. Я, как киноман со стажем, тоже уверенно заявляю, что старое немое кино (вспоминаются сразу «Страсти Жанны Д'Арк» Карла Теодора Дрейера) ярче, глубже, сильнее, выше – как в известном девизе Олимпийских игр...

Однако такая манера рассуждения упускает из виду главное – саму позицию оценщика, его современные критерии, его ностальгию по потерянным идеальным объектам. Ведь в качестве вещей возвышенных эти артефакты утверждаются именно в восприятии ностальгирующего субъекта. Та же эстрадная музыка или черно-белые фильмы эпохи «оттепели» воспринимались во время своего появления и как мейнстрим, и как бездуховные новшества, и как результаты утраты подлинности, падения нравов и т. п. Цели и ценности в них были так или иначе санкционированы идеологией, проведены через цензурное сито и заказаны, например, Государственным комитетом СССР по телевидению и радиовещанию.

Известен эффект эпохи Возрождения, когда (по объяснению А.Ф. Лосева) впервые в европейской истории античное прошлое начало мыслиться окончательно потерянным и потому вызывало массовые приступы культурной ностальгии и попытки с помощью умилений и молений «гальванизировать античный труп». Отсюда же берет нача-

ло представление об античных идеалах, идеальных формах, идеальных линиях...

Иначе говоря, сама постановка проблемы (утраты) идеалов возможна только в ситуации предельной актуализации идеального – в мышлении, восприятии, даже социальном заказе. Мы живем в то самое время, когда искренность, бескорыстность, свобода, любовь, жертвенность и дальше по списку – все это особенно ценно и невероятно востребованно.

Даже общее для многих отторжение идеологии (понимаемой часто как уродливая спекуляция на социальных идеалах) вполне симптоматично. Во-первых, идеология как власть идей переходит на более глубокий уровень и усваивается вместе с товарами, рекламой, биржевыми сводками и прочими наночастицами одного и того же, либерального, например, метанарратива. Идеальное в качестве политического или телевизионного симулякра становится по-настоящему тотальным, создает огромное гравитационное поле всемирного «общества спектакля», переформатирует всю социальную реальность в духе абстракций «политкорректности», «цивилизованности», «профессиональности», «экономической рентабельности» и других имен одного идеологического Отца. Во-вторых, мифическая свобода от идеологии (правда, порицаемой в самой удобной или просто реликтовой форме – как сталинизм, мужской шовинизм, фундаментализм и т. п.) есть лишь внутренняя драматургия в рамках универсальной системы непогрешимых ценностей (где демократия всегда будет лучше тоталитаризма, толерантность – лучше насилия, эволюция – лучше революции и проч.). Тем самым диктат политического идеального только закрепляется, как закрепляется вера с числом приносимых

жертв или деловая активность в ситуации лишних рисков.

В минимальной дозе ностальгия по идеальному проявляется еще и в феномене «боязни пафоса». Выставление упрека вида «ты впадаешь в пафос» означает, что пеняющий ревниво относится к упоминаемым ценностям (а пафоса обычно удостоиваются ценности дружбы, любви, творчества и другое хорошее), не любит, когда их поминуют всуе, трогают грязными руками... Между тем пафосные речи полководцев прошлого, пышные мадригалы куртуазного века, объяснения в любви и симпатии литературных героев, пошловатые городские романсы, избыточная диккенсовская сентиментальность, рафаэлевская умильность – все подобное сегодня воспринимается как уместное, а то и восхищающее. Здесь снова можно наблюдать эффект исторической аберрации, смещения идеального: одна и та же ценность с дистанции воспринимается как идеал, а синхронно своему времени – как безобразие и вырождение. Кстати, культура ведь вообще, как известно, есть вырождение культа, замещение сакрального эстетизированным идеалом. Культура – это хайдеггеровская фундаментальная ностальгия об утраченном (точнее, об «утраченном», символически убитом, получившем свой высокий статус задним числом и дистанционно).

Иначе говоря, именно наша общая боязнь впасть в пафос, осуждение каких-то красивых поз, слов и жестов, намеренное неумение красиво объясниться в любви, отвержение различных форм идеального как «гламурности» или «пошлости» (как воспринимается интеллектуалами обнаженная девица с идеальными формами на глянцевой обложке модного журнала? – а между тем такое идеально-типическое синонимично античным изваяниям Афродиты) –

суть доказательства особой актуальности идеального.

Просто наши идеалы будут опознаны в неактуальном, «снятом», даже мертвом виде, когда они будут отключены от своих экономических или политических миссий, когда приобретут ценный в искусстве статус редких и самостоятельных явлений, накачаются исторической «аурой подлинности». Смешно, но ведь и глянецовые красотки 50-х (на постерах Pin-up) воспринимаются все чаще как знаки искусства. Что тогда говорить о фактах музыки или литературы? Идеалы в духе «верной мужской дружбы» или хотя бы просто традиционной гетеросексуальной связи читаются в старых сюжетах с особым эмоциональным подъемом. Вот, дескать, какие были люди, какие отношения!

Кстати, институция рекламы особенно часто оперирует производными слова «идеал» – от идеальной зубной пасты до идеальной женщины. И это опошление идеального есть тоже его жизнь, его сфера, его власть. Сбросить несколько килограммов веса посредством разных пыточных процедур для приобретения «идеальной фигуры» – это ведь тоже способ трансцендирования, доказательство наличной силы идей. А сгоревшие заживо в электрических соляриях, подвижники радикальных диет, дошедшие до крайней анорексии и дистрофии, жертвы корректирующих операций, – все это мученики новой веры в идеальное, понятое (как всегда и бывает) в меру собственного ума и испорченности.

Василий Иванович Кузин

Поскольку наше обсуждение вдохновлено *словам*, то допустимо сделать несколько тривиальных замечаний, уместных в тех случаях, когда мы говорим о словах.

«Идеаль» – это не термин с точным определением, а слово обыденного языка. Как и

большинство слов нашего естественного языка, оно является многозначным. И подобно большинству слов, значение слова «идеаль» изменяется в зависимости от контекста его употребления, в зависимости от той языковой игры, в которую оно включено.

Я хотел бы кратко остановиться на двух таких контекстах и, соответственно, на двух значениях слова «идеаль». Для начала предлагаю различить идеалы как *образцы* и идеалы как *цели*. Конечно, мы ведем речь о так называемых *конечных, финальных, высочайших* целях. Понятно, что цели в каком-то отношении всегда являются образцами, а образцы в каком-то смысле представляют собой цели. Мы используем это различие образцов и целей скорее в качестве риторического приема, чем попытку классификации.

Итак, мы имеем дело с идеалами-образцами всякий раз, когда используем выражения «идеальный работник», «идеальный студент», «идеальный муж» наконец. Прилагательные можно заменить на существительные, и тогда мы получим «идеал студента» и т. д. Синонимами слова «образец» здесь могут быть слова «эталон», «стандарт» и т. п. Функции идеалов-образцов различны. Обратим внимание на две из них.

Образцы служат основанием *оценивания*. А оценивание и оценки, как известно, образуют один из базовых и универсальных механизмов существования культуры вообще. Идеалы-образцы как основания оценивания применяются не только по отношению к людям. Они распространяются на животных (идеальная собака в соответствии со стандартами породы), на вещи (идеальное оружие), на события и деяния (мы говорим даже об «идеальном преступлении»).

Вторая функция идеалов-образцов – служить средством социализации человека.

В этом отношении идеалы представляют собой описание социальных ролей, которые индивид осваивает (или не осваивает) в течение жизни. Понятно, что набор ролей, равно как и их содержание, задается культурой и историей. Понятно также, что число таких идеалов велико не только для общества в целом, но и для отдельного человека.

Обратим внимание на некоторые свойства идеалов-образцов. Во-первых, они всегда достаточно определены, притом что степень их эксплицитного выражения может варьироваться. Во-вторых, идеалы-образцы актуальны в том смысле, что они могут реализовываться и реализуются в настоящее время.

По этим параметрам идеалы-цели очевидно отличаются от идеалов-образцов. Идеалы-цели обычно характеризуются неопределенностью и отнесенностью в другие времена (теперь обычно – в будущее). В этом отношении они носят на себе отпечаток мифического сознания. Примерами идеалов-целей могут служить «всеобщее счастье», «торжество справедливости», «утверждение нравственного миропорядка», «построение коммунизма», «обеспечение светлого будущего для детей (или грядущих поколений)» и т. д. Идеалов-целей у человека, как правило, немного. Часто – один.

Первая очевидная функция идеалов-целей – это придание смысла человеческой жизни; вторая – укрепление (а может быть, и *формирование*) общественной солидарности. Наличие идеалов облегчает человеку осмысление и оправдание своей жизни. Мы сейчас не будем ставить и решать вопрос о том, является ли *потребность в смысле* биологическим или же культурным свойством человека. И тем более не будем решать вопрос о том, существует ли «смысл жизни». Ограничимся тривиальной констатацией: человек нуждается в смысле – хотя бы для того, что-

бы просто быть жизнеспособным. Отметим также, что способов смыслоутраты, как и путей обретения смысла, существует немало.

В этой связи позволю себе напомнить рассуждения С. Кьеркегора об отчаянии. Отчаяние можно рассматривать как форму потери смысла. Отчаяние, по Кьеркегору, – это отсутствие связи между повседневной жизнью человека и его главной жизненной целью. Поскольку в описании имеются два элемента, постольку существует два вида отчаяния. Полное погружение в сиюминутные (конкретные, конечные) дела без связи с объединяющей их целью Кьеркегор называет «отчаянием конечного». Соответственно, мечты о далекой (бесконечной) цели, не подкрепленные реальными поступками, будут считаться «отчаянием бесконечного». (Огромное число отчаявшихся людей – в конечном и бесконечном вариантах – находим мы, например, в сочинениях А.П. Чехова. Даже такое обычное дело, как поездка в Москву, превращается в жизни его персонажей в совершенно отчаянное предприятие. Что уж говорить о «светлом будущем», которое наступит через 100, 200, 300 лет!...)

Наличие двух полюсов жизни задает вектор существования и делает жизнь осмысленной. Конечно, индивид может и самостоятельно формировать цель своей жизни. Коллективные же идеалы, как и коллективные неврозы, просто облегчают человеку его работу. Но это еще не все. Уточним: человеку необходима не просто далекая и высокая цель, а такая цель, которая связана с его сегодняшней реальной жизнью, такая цель, которая достигается его обычными, рутинными занятиями. Еще уточним: обычно человеку не так уж важно, будет ли достигнут идеал, например идеал всеобщего счастья. Нормаль-

ные люди понимают, что он не будет достигнут. Но человеку важно *понимать*, что все, что он делает – ест, пьет, зарабатывает деньги, рождает детей и т. д. – все это способствует этому всеобщему счастью. То есть человеку важно понимать, что он не просто «камни таскает», а «строит храм». Так вот, когда индивид самостоятельно определяет и задает идеал-цель, тогда прочность связи идеала с ближайшей повседневностью ограничена мыслительными и интерпретационными возможностями самого человека. В случае же общих идеалов человеку приходит на помощь вся герменевтическая изощренность и диалектическая тонкость культуры.

Отметим, что, с точки зрения правящего класса, идеалы решают важную идеологическую задачу: они оправдывают в глазах индивида его собственную неказистую жизнь.

Второй функцией идеалов-целей, как мы уже упоминали, является *общественная солидарность*. Важнейшим условием устойчивого существования любого общества (от дворовой компании до государства) выступает наличие общей, разделяемой картины реальности. Или просто – общей, разделяемой реальности. Общая реальность в обществе формируется главным образом посредством слов. То есть употребление общего словаря создает эффект общественной связи, социальной солидарности. Идеалы вносят свой важный вклад в создание общественного единства (в сфере определения целей жизни человека и человеческого общества). Причем достижение консенсуса облегчается уже самой неопределенностью идеалов. В самом деле, вряд ли мы достигнем согласия в определении того, что есть счастье. Но каждый может подразумевать под «счастьем» что-то свое и готов принять счастье как общий идеал.

Здесь я хотел бы обратить внимание на еще один интересный момент, связанный с идеалами как средством формирования общественной солидарности. Этот момент (как и многие другие важные социальные факты) был отмечен греческими софистами. Протагор (у Платона) излагает следующее соображение: «Говорят, что все должны говорить, что они справедливы, – так ли это на самом деле или нет». Почему люди должны так говорить? Почему они должны при случае лгать – как это очевидно следует из мысли Протагора? Опять-таки дело в том, что общественное согласие достигается посредством не мыслей и убеждений, а *слов*. Если мы «на словах» выступаем за справедливость, истину, добро, то *тем самым мы на деле* выступаем за справедливость, истину и добро. Как общественные существа, мы должны говорить, что мы справедливы, честны, добродетельны.

При этом идеалы, видимо, обладают какой-то принудительной силой, ибо люди не только *должны* говорить, что они справедливы, – люди действительно *говорят*, что они справедливы. Человеку трудно, нелегко признать, что он – против справедливости и истины (порой мы делаем такие утверждения, но разве что в качестве парадокса). Даже политики (а может быть, в первую очередь политики) – лживые, беспринципные, циничные – говорят о «социальной справедливости», «правовом государстве», «достоинстве личности» и т. д. и т. п. Конечно, провозглашая идеалы своей целью, политики пекутся о собственной выгоде. Их задача – обмануть избирателей и заручиться их поддержкой. Но парадоксальным образом такой обман оказывается в интересах общества как целого.

Учитывая вышесказанное, мы можем определить и главную опасность, грозя-

шую идеалам. Идеалы гибнут не потому, что люди их отрицают или заменяют другими. Идеалы умирают, когда о них молчат.

Вольфганг Зассин

Вера в Бога, в научный прогресс, в демократию, в капитализм, а также другие мыслительные концепты и их описание в форме *социальных идеалов*¹.

Жизнь можно определить как уникальный процесс, который строится на обработке информации. В этом смысле жизнь уникальна и может быть легко и просто отделена от всех других форм существования во Вселенной. Осознание индивидами этого мира есть центр этого процесса, процесса создания и поддержания жизни. По сути это коммуникация. Индивид задает вопросы своему окружению и ожидает получить серьезный ответ – ответ, который он в дальнейшем сам находит на «языке» своего нейронного аппарата: «Я сам охватил и понял тебя, мое окружение!»

Когнитивные науки говорят нам о том, что смутная и неполная информация об окружении, которую наши чувственные органы посылают в мозг, там фильтруется и преобразовывается в процессе представления внешнего мира. Мы «думаем» с помощью образов и их постепенных изменений, так называемых эпизодов, которые создают осознание всего, чего мы касаемся. На фоне этих образов и эпизодов индивиды планируют действия и отрабатывают физические рефлекссы. Многие формы сознания определяются индивидом: фокус внимания, подсознательная фильтрация периферийных событий, которая является предпосылкой для направления внимания, множество подсознательных восприятий и наконец эмоции и инстинкты. Ими характеризуются в разных комбинациях разу-

мные формы жизни, и скорее всего они существуют в более простой форме у более примитивных существ.

Для того чтобы получить максимальную информацию о внешнем мире и преимущество над конкурентами, соответствующие нейронные фильтры должны достичь максимальной корреляции между психическими образами и реальными объектами на основе минимальной информации.

Это подразумевает ограничение фильтрации «характерными» чертами наблюдаемых объектов. Чтобы этого достичь, необходимо упрощать модели реальности, чтобы различать объекты, стоящие перед наблюдателем. Важным является также проверка на релевантность объекта. Есть значительная разница между камнем, который катится на наблюдателя, и хищником, который приближается к цели.

С уважением к мертвой материи мы называем такие модели реальности *теориями*. Для того чтобы проработать и перевести гипотезы в теории, необходимо экспериментировать с окружающей средой. Результаты таких экспериментов либо говорят нам, что наши теории верно предсказывают действия внешних объектов, либо говорят, что надо менять теорию. Это относится как к атомам, так и к галактикам.

Фундаментальная проблема возникает тогда, когда в систему мы вносим субъектов. В отличие от объектов, субъекты не имеют заданных свойств. Они действуют на основе тактических и даже стратегических целей. Они могут поменять эти цели, а также могут освоить мастерство скрытности и обмана. Хуже того, в отношении искусственно созданных структур – в особенности социальных – мы не можем проводить повторные эксперименты. Начальные условия не могут быть достаточно четко опре-

¹ Перевод с англ.: О.А. Донских.

делены. Кроме того, такие системы могут менять ответы в зависимости от того, какой «запрашивающий» пытается выяснить свои сильные и слабые стороны.

Таким образом, социальные теории, которые описывают человеческие действия как действия индивида в определенной ситуации или действия группы людей, взаимодействующих друг с другом, – просто *наборы установок*. Их возможность предугадать действия крайне ограничена, если только такие системы не действуют по жестким правилам, которые регулируются «сверху». Также и «свойства» индивидов, взятых в качестве элементов моделей социальных систем, довольно сомнительны. В большинстве случаев они либо берутся наугад или определяются самым примитивным образом.

Когда индивиды начинают зависеть от функционирования человеческих артефактов, а не в качестве пассивного творения, когда действия каждого индивида предопределены, как предполагается, добрым Творцом, то эти индивиды вынуждены понимать социальные системы для того, чтобы ими манипулировать и, таким образом, выживать. Управляемые коллективные события представлены в виде институтов и, таким образом, зависят от «внедрения» ad hoc моделей реальности в сознание каждого субъекта, для того чтобы не погибнуть с самого начала их существования. Предписание «Повелевай природой!» превращается в «Повелевай человеком!». Это привело к двум настоящим потребностям: разработке и внедрению *структур веры* и не менее важной нормализации индивидов путем формирования *идеальных субъектов*, т. е. предписыванию правильных форм поведения внутри абстрактных форм: общины, церкви, царства, рынка, т. д.

В истории эволюция цивилизаций и эволюция структур веры идут параллельно,

потому что становится необходимым понимание того, какие шансы и риски цивилизация преподносит своим субъектам. Быстро возникает ситуация, в которой стадный инстинкт создает клей, который позволяет удерживать конфликтующие интересы в определенных рамках.

Невозможно для среднего члена группы выработать адекватную модель, которая помогла бы ему понимать сложные социальные вызовы жесткого общества. И это угрожающий факт. Наличие потенциально неправильной модели, принимаемой всем обществом, лучше, чем отсутствие модели вообще.

Сомнения отдельных индивидов, таким образом, подавляются общей мудростью слепого стада, причем давление всегда имеет два компонента: материальное лишения и сомнение относительно будущей ситуации, в которой может оказаться данное общество.

В таких жестких условиях индивиды легко поддаются проповедям спасителей, простым рассказам о морали. Не имея возможности понять врожденные потребности, они присоединяются к вере. Национал-социализм и сталинизм – яркие примеры такого стадного феномена.

Подобные ситуации поддерживают как расцвет, так и упадок силовых структур. Оружие следует за идеалами, а не наоборот. Успех любой революции, будь то в политической, экономической или социальной сфере, зависит от количества представленных положительных идеалов. Он не зависит от того, насколько спаситель лично привержен этим идеалам.

Поскольку любое стадо может контролироваться небольшой группой его членов, если они придерживаются простой стратегии, власть преимущественно базируется на формулировке важных абстрактных идей:

солидарность, правосудие, устойчивость, готовность к жертвам, выносливость и конечно любовь. Был ли хоть один мессия, царь или деспот, который не утверждал бы, что любит свой народ?

Вызов сегодняшнего дня: современные социальные структуры, полная зависимость от хрупкого, неустойчивого материального фундамента, психическое состояние населения мира, на которое влияют современные СМИ, – это и есть то самое давление, которое угрожает совести глобальной цивилизации. Коллективный рост, который власть продвигает в качестве решения всех вопросов, по сути является дилеммой, которая подрывает доверие в возможность политических лидеров обеспечить устойчивое будущее для семи миллиардов людей на планете, которая начинает отвечать на эксплуатацию.

Рост лишений и ограничений личного выбора, особенно в ведущих обществах Запада, которые до сих пор живут структурой веры в лучший мир, в дальнейшем определяют существование «идей человечества» и «социальных структур», которые определены Великой хартией вольностей – конституцией обществ, чьи граждане когда то считались равными. Это значило, что они были в равной мере проинформированы о своих возможностях и ограничениях, а также о большинстве своих сограждан, что оставляло место для личного опыта реальности. Но эта идея осталась в прошлом.

Сейсмографом, регистрирующим толчки нашего Золотого века, который начался в 1989 году мирной глобальной кооперацией, является современная монетарная система. Она построена на кредитовании будущего. Подавляющее большинство мирового населения живет в городах. Для них деньги являются тем же, чем вода, зерно или рис являлись для членов аграрного общества.

Без надежных денег городские объединения обречены на гибель. У них нет возможности вырастить или добыть самим необходимые товары. Не только в Европе и Америке растет тревога по поводу будущей ценности денег и по поводу того, как организовать жизнь на нестабильной монетарной основе. Тем самым пошатнулось доверие в способность государств и их правительств обеспечить достойное городское общежитие для семи миллиардов людей, а в последующие десятилетия – для еще большего количества. Эти сомнения подрывают доверие к любой форме государства и общества, будь оно демократическим или легитимизированным иным образом. В этом контексте стремление политических элит коллективно контролировать мировой климат и сохранять экологический баланс путем роста экономики особенно опасно. Этот тезис – лишь простой акт веры и напоминает гибрис («неистовство, беспредел, переход любых границ» – др. греч.) древних императоров, таких как Цинь Шихуанди, который провозгласил себя богом или как минимум чем-то средним между Богом и человеком.

Эта вера резко противостоит тому, о чем нам говорит опыт, – везде и всегда политические силы проваливают даже самые ничтожные дела; они чаще всего забывают об идеалах, к которым должны стремиться, – об эффективности, надежности, прозрачности и в особенности – о служении народу.

Поиск новой модели человека из миллиарда и новых типов обычных людей явно проводится. Веры и идеалы прошлого не являются надежными путеводителями в будущее. Они не смогут больше стабилизировать существующие структуры цивилизаций. Фактически происходит противоположное: возникающие дестабилизируют существующие конструкции веры.